

А.В. Плотникова

**Боевой путь
367-й краснознаменной
стрелковой дивизии**

Музей средней общеобразовательной школы № 4 города Шадринска
Шадринское общество краеведов

А.В. Плотникова

Благодарные дети посвящают эту книгу
памяти отцов, погибших на полях сражений
Великой Отечественной войны.

Боевой путь
367-й краснознаменной
стрелковой дивизии

Шадринск, 2008

ББК 26.89 (235.55) + 74.03 (2)

ПЗ9

Плотникова А.В. Боевой путь 367-й краснознаменной стрелковой дивизии. Изд. 2-е - Шадринск: Шадринское общество краеведов, 2008. 67 с.

Плотникова Анриетта Всеволодовна - руководитель музея средней общеобразовательной школы № 4 города Шадринска, член Шадринского общества краеведов, почетный гражданин г. Шадринска, автор брошюры «Из истории 450-го отдельного медико-санитарного батальона» (Шадринск, 2003. - 16 с), книги «Шадринская школа № 4 в 1856 - 1970-е годы» (Шадринск, 2006 - 152 с), ряда краеведческих статей.

Ответственный редактор - Борисов Сергей Борисович, выпускник школы № 4, председатель Шадринского общества краеведов, лауреат Уральской краеведческой премии им. В.П. Бирюкова, доктор культурологии, профессор Шадринского государственного педагогического института.

В книге рассказывается об истории формировавшейся в г. Шадринске и Шадринском районе 367-й краснознаменной стрелковой дивизии.

© А.В. Плотникова, 2008

© Музей средней школы № 4 г. Шадринска, 2008 © СБ.

Борисов, ответственный редактор, 2008

© Шадринское общество краеведов, 2008

Как и почему родилась эта книга

Память... Она должна быть в сердце каждого из нас, ибо без памяти нет народа, нет будущего.

До сих пор во многих шадринских семьях хранятся пожелтевшие от времени похоронки, в которых написано: «...погиб смертью храбрых ... похоронен..... А вот в семьях А.Н. Перуновой, Р.И. Прутковой, Е.С. Ванцевой, Л.Е. Ильиных, М.А. Ильиных, Е.П. Цыбиной, А.А. Ковалевой, Т.М. Бобылевой хранятся иного рода извещения: «...ваш сын, (ваш муж) пропал без вести». Теперь уже внуки и дети погибших пытаются узнать, где сложили головы их отцы и деды, что значит «пропал без вести»?

Заявки о поиске погибших воинов поступали к нам, в музей средней школы № 4 г. Шадринска, где с 1975 года следопыты собирали материал о боевом пути 367-й стрелковой дивизии, которая формировалась в 1941 году в г. Шадринске и Шадринском районе. С ветераном этой дивизии Анастасом Андреевичем Таланкиным ребята побывали на Городище, где формировался 1217-й стрелковый полк. Встречались они и с другими воинами этой дивизии, проводили анкетирование, собирали документы, предметы снаряжения и записывали воспоминания фронтовиков.

С 1978 года, по инициативе Федора Ильича Живодрова, председателя Шадринской группы ветеранов Карельского фронта, была начата шефская работа, которая быстро переросла в сотрудничество, в теплую дружбу учителей, учащихся и бывших фронтовиков. Значительно расширились поиски, когда завязалась переписка с Курганским, Челябинским, Пермским Советами ветеранов, с детьми и вдовами погибших. Они сдавали в музей самое дорогое, что хранилось в семьях до сих пор - фронтовые письма, фотографии, газеты, документы военных лет. Так, Мария Васильевна Агеева, жительница совхоза «Красная Звезда», вручила нам 12 писем отца, Василия Павловича Пошехонова, рядового 1217-го стрелкового полка, Руфина Ивановна Пруткова - копии писем своего дяди, Ивана Григорьевича Ксенофонтова.

Помогли в сборе материалов и юбилейные встречи, на которые приезжали ветераны дивизии из Кургана, Челябинска, Перми, Киева, Ульяновска, Нижнего Тагила, Каменск-Уральского, городов республики Коми. Одна из встреч была посвящена 450-му медсанбату, другая - детям погибших воинов. Все прибывшие ветераны пытались найти однополчан. Так, Хаджи Нурнахметович Кадарметов из Челябинска очень хотел встретиться с шадринцем Владимиром Руфовичем Развиным, а Яков Григорьевич Кормин из г. Кургана - с Матвеем Андреевичем

Черепановым, Руфина Костенко из Челябинска и Руфина Теплова из Нижнего Новгорода желали отыскать Надежду Вениаминовну Шестакову. Поиски завершились успехом: спустя два года все эти встречи состоялись в нашей школе.

Но искали однополчан не только ветераны. Ставшие взрослыми дети тоже мечтали найти тех, с кем бок о бок сражались их погибшие отцы. Из города Смоленска приезжал на встречу Алексей Михайлович Жданов, который обратился к нам и ветеранам с просьбой: «Ветераны Карельского фронта! Боевые друзья моего отца! Возможно, кто-нибудь из Вас были вместе с моим отцом в декабре 1941 года, знает обстоятельства его гибели и предполагаемое место захоронения. Эти и другие сведения представляют для меня и моей семьи большой интерес. Отец, Жданов Михаил Дмитриевич, до войны работал в колхозе имени Молотова бригадиром полеводческой бригады (с. Крутиха Далматовского района). На фронт убыл из г. Шадринска в ноябре 1941 г. в составе 1217 стрелкового полка (1 батальон, 1 рота, 1 взвод, 1 отделение). Последнее письмо с Карельского фронта было 4 декабря 1941 года, в котором отец писал о предстоящем бое. Буду Вам сердечно благодарен, если ответите по адресу...».

На этой же встрече была семья Берлинских из г. Каменск-Уральского: Клавдия Македоновна, жена погибшего Петра Александровича Берлинских, рядового 1217-го стрелкового полка, их дочь Евстолия Петровна, сын Георгий Петрович из Кургана и внук А. Душин. Они тоже пытались найти какие-то следы о своем муже, отце, дедушке.

Когда Петр Александрович Берлинских ушел на фронт, дома осталась жена с пятью детьми, из которых самому старшему было девять лет, младшему - один год. В один из дней в семью пришла похоронка, в которой сообщалось, что Петр Александрович Берлинских погиб в феврале 1942 года в Карелии. Но в документах не было указано место захоронения. Семья Берлинских занялась поисками.

Узнав о том, что в Карелии, вблизи города Медвежьегорска, на месте подвига рядового 1217-го стрелкового полка Саши Фанягина установлен памятный знак, они обратились с просьбой о помощи в поиске к ветеранам и краеведам г. Медвежьегорска. Преодолев тысячекилометровый путь ради этой встречи, поехал туда Георгий Берлинских. Поездка была результативной. Изучая привезенные материалы, семья Берлинских пришла к выводу, что муж, отец, дед погиб на 14-м разъезде вблизи города Медвежьегорска и прах его покоится здесь. Затем в 1987 и 1990 годах дочь Евстолия Петровна вместе с 75-летней мамой побывали в Карелии, совместно с медвежьегорскими краеведами прошли по местам и дорогам воинов 1217-го стрелкового полка. Евстолия Петровна собрала списки погибших и без вести пропавших солдат и офицеров 1217-го

стрелкового полка, чтобы увековечить память этих людей в камне. Из этих поездок семья Берлинских привезла в дар нашему школьному музею священную землю с Великой Губы, каску и винтовочные гильзы с 14-го разъезда, стабилизатор мины, гильзу снаряда, карту боевых действий войск Карельского фронта, фотографию Саши Фанягина. Выражаем им глубокую благодарность.

Сорок лет искали место захоронения своего отца Ивана Васильевича Суставова его дети - Виктор, Валентина, Тамара и жена, Мария Александровна. В похоронке были допущены ошибки, и прочесть место гибели солдата было невозможно. Побывав в школьном музее, они узнали своего отца на двух фотографиях. Зная боевой путь дивизии, мы смогли им прочесть и место захоронения - г. Кестеньга. Сестры написали в Карелию письмо, им пришел ответ, что старший сержант Иван Васильевич Суставов похоронен 2 марта 1944 года в братской могиле в деревне Сосновой Кестеньгского района Карело-Финской ССР (сейчас Карелия) под номером 3385.

Дочери Ивана Васильевича Суставова - Тамара и Валентина, начали переписку с Карелией. Из Петрозаводска им прислали первый том книги «Вечная слава героям», в которой поименные списки 285 зарегистрированных в Карелии захоронений. В братских могилах и под одинокими холмиками покоится прах 35 194 солдат, но известны имена только 31 798. Среди них - имена погибших воинов - уроженцев Шадринска и Шадринского района. Путем переписки мы получили ценные данные от командира 367-й дивизии Ивана Михайловича Пузикова из Киева; командира 928-го арtpолка Георгия Ефимовича Передельского из Москвы; главного хирурга 450 медсанбата Анатолия Григорьевича Зебрина из Москвы; жены комиссара 1217 стрелкового полка Федора Терентьевича Гармаша, Лидии Николаевны Гармаш из Киева; дочери политрука 1219 полка Михаила Степановича Гедеонова, Музы Михайловны Фомич из г. Донца; дочери начальника штаба 1219 стрелкового полка Федора Михайловича Кононенко, Юлии Федоровны Кононенко из г. Славянска; дочери политрука 1217 стрелкового полка Николая Евдокимовича Поршнева, Валентины Николаевны Беликовой из Челябинска; сына сапёра 1219 стрелкового полка Ивана Григорьевича Титова, Юрия Ивановича Титова из г. Сатка Челябинской области, и многих, многих других.

Мы писали обращения в газеты «Труд», «Красная Звезда», «Советское Зауралье» с просьбой отозваться воинов 367-й дивизии. Откликнулись ветераны из всех уголков нашей страны.

Чтобы описать боевой путь дивизии, необходимы были подлинные документы. Внук погибшего санитаря, рядового 1217-го стрелкового полка, Георгия Степановича Голоднова, Владимир Сергеевич Голоднов из города

Щучье, поработал в Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации в городе Подольске Московской области и прислал нам выписки из обнаруженных там материалов.

Результатом многолетних поисков стал уголок боевой славы 367-й стрелковой дивизии. Он превратился в центр воспитательной работы в школе № 4 и в городе Шадринске. Важность этой работы невозможно недооценить: на основе собранных материалов в детях воспитывается патриотизм, высокая нравственность, благодарность и уважение к людям, защитившим Родину в страшную годину войны. Кроме того, здесь юные краеведы получают первые уроки поиска, оформления архивных документов, обретают навыки лекторской работы.

Краеведы школы и ветераны Великой Отечественной войны провели 15 встреч, посвященных юбилейным датам 367-й стрелковой дивизии, 450-му медсанбату, Карельскому, Волховскому, Ленинградскому фронтам, о которых были сняты фильмы к 50-летию Победы, 300-летию Российского флота, 55-летию разгрома фашистов в Карелии и Советском Заполярье, 60-летию снятия блокады Ленинграда. Они были показаны в программах Курганского и Шадринского телевидения.

В уголке боевой славы оформлены альбомы-летописи, посвященные 1217-му, 1219-му, 1221-му полкам, 928-му артполку, 450-му медсанбату.

В пополнении фондов уголка большую помощь оказали: бывший военный комиссар города Шадринска полковник В.А. Пивовар, начальник политотдела Шадринского гарнизона подполковник А.Ф. Абрамов, председатели совета Шадринской группы ветеранов Ф.И. Живодров, М.В. Кобелева, Е.Ф. Глебов, П.М. Заваруев, ветераны А.А. Таланкин, И.А. Шавкунов, И.К. Гяделов, Л.Г. Семенова, АЛ. Иванова, Н.В. Шестакова, Л.Г. Иванова и др.

Так появилась возможность описать боевой путь 367-й стрелковой дивизии и выяснить, что воины-шадринцы не пропали без вести, а погибли в жестоких боях с врагом, защищая родную землю от немецко-фашистских захватчиков. Они сражались до последнего патрона, до последней гранаты, до последнего вздоха. Поэтому все сообщения о воинах, пропавших без вести, можно считать похоронками.

Вот почему родилась эта книга.

Вот уже и внука бабка женит –

Без вести пропавшего вдова.

Слава тем, кто дрался в окруженье,

Перед кем Россия не права.

Не права уже десятилетия,

Лишь сейчас вину осознает –

Без «пропавших» никогда не встретил

И никто бы сорок пятый год.

Глава 1. Формирование 367-й стрелковой дивизии

Уже шла Великая Отечественная война. Враг рвался к сердцу нашей Родины - столице Москве. В эти тяжёлые для страны дни «в соответствии с директивой Верховного Главнокомандующего 18 августа 1941 года Командующим Уральским военным округом был подписан приказ о формировании 367-й стрелковой дивизии.

Укомплектование частей личным составом и боевой техникой производилось вдали от фронта, в городе Шадринске Челябинской области. Мероприятия, связанные с формированием, расквартированием, снабжением и боевой учебной частью и подразделений проводил назначенный командиром дивизии полковник Иван Михавдщц[Пузицсов, назначенный комиссаром полковой комиссар Антон Антонович Попов, начальником штаба - Николай Михайлович Афонский.

Большую организаторскую работу проделали коммунисты - полковник Фёдор Иванович Коробко, полковник Павел Данилович Журенко, подполковник Александр Степанович Шитов, капитан Иван Иванович Евдокимов (шадринец), который с августа 1942 года был назначен начальником штаба соединения». (1)

Началась работа по формированию частей дивизии:

1217-й стрелковый полк - район Городища, 4 километра западнее Шадринска;

1219-й стрелковый полк - район зоотехникума, 20 километров юго-восточнее Шадринска;

1221 -й стрелковый полк - район села Канаши, 18 километров северо-западнее Шадринска;

928-й артиллерийский полк - г. Шадринск, здание бывшего военкомата (улица Михайловская, 6);

Штаб дивизии - г. Шадринск, здание школы механизации (улица Луначарского, 1). (2)

Для комплектования] 217-го стрелкового полка люди прибывали из районов: Каргапольского - 100 человек, Мехонского - 60, Шатровского -146, Чашинского - 80, Уксянского - 93, Шумихинского - 105, Юргамышского -230, Щучанского - 180, Шадринского - 350 (все - нынешней Курганской области), из Челябинской области - 500 человек. Комсостав: командир полка майор Петр Васильевич Булгаков; комиссар полка майор Федор Терентьевич Гармаш; зам. командира полка по снабжению капитан Злокич; инструктор агитации и пропаганды полка Семен Захарович Калинин (шадринец); комиссар 1-го батальона лейтенант Василий Николаевич Стрежеченко; командир 1-й роты лейтенант Карпов.

1219-й стрелковый полк комплектовался людьми, прибывшими из районов - Мокроусовского, Мостовского, Белозерского, Шатровского,

Ольховского, Далматовского (нынешней Курганской области), Сатканского, Еманжелинского (нынешней Челябинской области). Комсостав: командир полка майор Харитонов; комиссар полка политрук Пётр Иванович Сергиенко; начальник штаба капитан Фёдор Михайлович Кононенко; парторг полка лейтенант Аким Степанович Пахомов (шадринец); старший политрук А.И. Герасимов, помощник начальника штаба полка по учету личного состава лейтенант Петр Ефимович Лебакин (шадринец).

1221-й стрелковый полк формировался из людей, прибывших из районов - Катайского, Половинского (нынешней Курганской области), Лопатинского (нынешней Челябинской области). Комсостав: командир полка майор Иванченко; начальник штаба полка капитан Николай Петрович Бужинский; командир батальона старший лейтенант Георгий Фёдорович Табуев (шадринец).

Комсостав 928-го артполка: командир полка капитан Овчаров, зам. командира по снабжению лейтенант Андрей Михайлович Шерстобитов (шадринец). (3)

Формирование дивизии шло ускоренными темпами. Труженики Шадринска и близлежащих деревень помогали всем необходимым: изготавливали брочки и походные кухни, приводили лошадей, сдавали фураж, снаряжение. А самое главное - шадринцы пополняли дивизию людьми. Об этих днях вспоминает командир взвода 1217 стрелкового полка Анастас Андреевич Таланкин:

«Помню, в день призыва в городской сад, где работала отборочная комиссия, шли по 20-30 человек из каждого сельсовета. После оформления тут же на митинге выступали и просили зачислить в одну роту, в один полк. Вот выступление Александра Степановича Комарова: "Для разгрома немецкой нечисти не пожалею своих сил, а если придется, то и отдам самое дорогое - жизнь, а сейчас - за учебу, надо готовиться к трудным боям"». (4)

Председатель колхоза им. КИМ [Коммунистического Интернационала Молодежи] (село Кабанье) Александр Васильевич Смирнов прибыл на призывной пункт в г. Шадринск вместе со своими колхозниками. На заседании правления колхоза решено было передать для 367-й стрелковой дивизии 40 лошадей и 3 грузовых автомобиля. От себя лично Александр Васильевич передал мотоцикл. В дивизии Смирнов был зачислен в 1217-й стрелковый полк разведчиком. В февральском бою 1942 года наш земляк погиб. Он был посмертно награжден медалью «За отвагу». (5)

Вспоминает эти дни и бывший учитель математики Малышовской школы Шатровского района Григорий Александрович Кубасов, житель г. Шадринска:

«Когда формировалась 367-я стрелковая дивизия, брали в основном мужчин 1900-1905 годов рождения. 29 августа нас собрали со всех районов в селе Мехонском. Составили списки, кто прибыл, и 30 августа десятью машинами отправили в город Шадринск. Там мы попали в 1217-й стрелковый полк, который находился на Городище. Нам выдали обмундирование. На Городище находились небольшие домики (бывшие купеческие дачи), в которых располагался командный состав. Для солдат помещений не было, поэтому, завернувшись в шинели, спали прямо на земле. Командиром роты был младший лейтенант, который уже участвовал в боях, после ранения лечился в госпитале. Взводами командовали молодые ребята, выпускники Свердловских военных школ. Я был во взводе Ложкина из Удмуртии. В Шадринске мы находились до 10 ноября. Больше всего проводилось тактических учений. Винтовок на всех не хватало. Показывали одну, учили её устройство. На стрельбище ходили раза два. На учениях работали с деревянными макетами. Выходными не пользовались, так как в свободное время помогали колхозам убирать зерновые. До деревень Маслянка, Красномылье ходили пешком, в Маслянке косили пшеницу литовками. В воскресенье же ходили в баню на станцию. Погрузка нашего батальона на фронт была в Ковриге». (6)

Рассказывает однополчанин Кубасова, Иван Афанасьевич Шавкунов, бывший начальник продовольственного снабжения 1217-го полка:

«Ездили на базу, получая продовольствие, снабжение, сено, фураж. Кормили людей хорошо, еды хватало. Времени для формирования дивизии было очень мало, поэтому готовились усиленно. Занимались строевой подготовкой, устраивали ночные вылазки. Учили, как действовать в рукопашном бою сапёрной лопатой, так как оружия было мало. Из дерева делали макеты и имитировали бой. Нас постоянно навещали родные, приносили носки, рукавицы, шапки». (7)

Обучение личного состава проходило «условно», то есть без практического применения оружия. Вот строки из писем-воспоминаний командира дивизии Ивана Михайловича Пузикова:

«На формирование дивизии были даны сжатые сроки - около двух месяцев. Одновременно принимали пополнение и учились на деревянных макетах. Оружия были единицы. Стреляли по очереди из 5-10 винтовок на роту, 1-2 орудия на дивизион. Но боевой настрой и дисциплина людей были на высоте». (8)

Новобранцы искренне верили в быструю победу над врагом. Никто не знал, что впереди четыре страшных тяжёлых года войны. Представление о настроении солдат дают отрывки из писем политрука 3-й пулемётной

роты 1217-го стрелкового полка Николая Евдокимовича Поршнева своей семье в Челябинск:

«28 августа 1941 г. Меня назначили политруком роты, приступил к своим обязанностям. Здесь очень много железнодорожников: Надеждин, Варнавский, Румянцев»;

«13 сентября 1941 г. Нахожусь в 5 км от Шадринска, так называемое Городище. Приехал, получил деньги, сел на лошадей в тачанку и поехал на почту в город перевести вам деньги 600 рублей. Всего я получил 850 рублей, из них 120 рублей за питание высчитали, 24 рубля в фонд обороны, 39 рублей - партийные взносы за два месяца»;

«Вот пишу тебе письмо. Мои бойцы играют на гармошке, поют песни, танцуют. Я сижу и вспоминаю тебя, ребят и всю семью. Главное, я уверен, что мы снова заживем хорошо, как только уничтожим гада Гитлера»;

«5 октября 1941 года принял военную присягу и поклялся честью бороться за мою Родину»;

«От 5 октября 1941 года. Мне нелегко оставить мою любимую жену и детей, но что же делать, когда враг нарушил нашу жизнь - мирное строительство. Надо защищать Родину, а ее могут и должны защищать только патриоты Родины, к которым и я, и ты, и вся наша родовая относится». (9)

В свободное от учения время солдаты дивизии помогали населению, а население - воинам. Вспоминает жительница села Чистопрудное Нина Константиновна Чепик:

«1219-й стрелковый полк формировался в районе зоотехникума. Для размещения людей были отданы самые лучшие здания: большой дом, где жили преподаватели техникума, двухэтажное здание клуба, контора. На окраине села вырыли траншеи, где шли учения. У столовой стояли большие котлы, где варили еду».

Очень тепло, с уважением отзывается Нина Константиновна о начальнике штаба 1219-го стрелкового полка Федоре Михайловиче Кононенко (до сих пор помнит его фамилию) и о солдатах:

«Никогда не отказывали ни в какой просьбе: картошку помочь выкопать, дать лошадей на время сенокоса, для вывозки картофеля. Соседка у меня была - Матрена Лукинских, трое детей у нее, муж ушел на фронт. Приболела сильно: "Плохо мне, умру, детей жалко". Пошла я к Кононенко. "Врачи у нас есть, вылечат, не волнуйтесь", - успокоил меня начальник штаба. Пришли к Матрене два молодюсеньких врача. Вылечили ведь Матрену. Спасибо Кононенко.

Мы, жители зоотехникума, как могли, помогали полку - картошкой, овощами, сдавали им, конечно, бесплатно. Нас, семьи преподавателей, переселили в здание барачного типа. Жили мы в крохотной комнатке с

одним окошком и большим общим коридором, где играли наши дети. Как-то пришел проситься на квартиру пожилой врач с женой и детьми. Увидел двух моих детей и спросил: "Чем детей-то кормите?" Вытащила я чугунок с морковкой и сахарной свеклой: "Вот этим". - "Надо же догадаться этой едой кормить".

Очень хорошо люди относились друг к другу, отзывчивые были. С той же Матреной еще случай. Плачет, отправляя мужа на фронт, а в доме ни кусочка хлеба. Говорю ей: "Не плачь, схожу в пекарню". Пошла. Пекарь Миша отдал мне свой калач и буханку хлеба и никакой платы не стал брать». (10)

1221-й стрелковый полк стоял в селе Канаши. Псковитянин Степан Зиновьевич Пашкин дважды приезжал в Шадринск на юбилейные встречи дивизии и пытался отыскать в Канашах дом, где он, молоденький солдат, стоял на постое. Жили в доме мать, дочь, внучка. Мать-старушка ему сказала: «Пройдешь всю войну, в пекле побываешь, а жив останешься». Так и случилось со Степаном Зиновьевичем. Где же ты, прорицательница? Поклониться бы тебе.

1217-й стрелковый полк находился близко от города. И крепкой опорой для него были шадринцы - жены и дети, родственники, знакомые, друзья. Они навещали своих родных и близких. Часто можно было видеть такие встречи на Городище, в лесу. До сих пор, выросшие и ставшие старше своих отцов дети, помнят об этом. Рассказывает Алексей Михайлович Жданов:

«В годы войны мобилизация в Красную Армию проводилась за считанные часы. Вот и нашему отцу, Жданову Михаилу Дмитриевичу повестка о призыве была вручена во второй половине дня 5 августа 1941 года. А к 8.00 часам следующего дня надо быть на сборном пункте военкомата.

Вечером в нашем доме собрались родственники, члены правления колхоза, соседи. Тихо обсуждали поступающие с фронта известия. Шёл разговор об уборке урожая и прочих делах. Все желали отцу доброго пути и скорейшего возвращения домой. Мать тихо плакала. Отец был внешне спокоен, и это передавалось другим. Все понимали, что надо защищать страну от лютого врага, но никто не думал в тот вечер, что война затянется на долгие годы и советский народ понесет огромные потери.

Рано утром отец сходил на луг за конём. Это входило в мою обязанность, но в этот раз отец сделал это сам. Видимо, ему хотелось в последний раз сходить на луга, посмотреть те места, где прошло его детство, юность и молодые годы семейной жизни.

6 августа 1941 года группа мобилизованных в составе примерно 100 человек, преодолев пешим строем расстояние более сорока пяти

километров, поздним вечером прибыли из Далматова в расположение 1217-го стрелкового полка в пригороде Шадринска.

За время пребывания в Шадринске в период формирования дивизии и до отправки на фронт мы всей семьей несколько раз приезжали к отцу. В числе множества вопросов, которыми интересовался отец, была и моя учёба. Я специально брал с собой дневник и школьные тетради, чтобы показать ему оценки. В этом он находил моральное удовлетворение и поддержку в трудное время. Хорошая учеба в школе считалась оказанием помощи тем, кто уже воевал или готовился вступить в схватку с врагом». (11)

У Анны Никандровны Перуновой был призван в дивизию отец — Никандр Матвеевич Языков. Из своего детства она отчетливо помнит встречи с отцом на Городище:

«На второй день после объявления войны 22 июня 1941 года папа пошел в военкомат, так как говорил, что он командир запаса и обязан явиться, не дожидаясь повестки. Папа был назначен командиром взвода 1217-го стрелкового полка в звании сержанта. Я очень хорошо помню, как мама брала меня с собой, когда ходила навещать мужа. Для меня это было не только интересно - я гордилась своим отцом, а ещё я составляла маме компанию на лесной дороге.

Мы всегда приходили к определенному времени. Для меня всё происходящее, скорее, походило на игру, потому что его солдаты были без винтовок, а с ровными выстроганными палками под вид винтовок. Когда заканчивались учения, отец выводил взвод из леса, командовал: "Врассыпную!", и солдаты бежали к своим родным, которые уже их ждали.

В начале наших посещений отец был веселый и старался нас развеселить.

К концу августа настроение у людей резко изменилось. Солдаты стали совсем другими - они загорели, похудели, редко улыбались, стали суровее. Мы не могли ходить каждый день, да и папа запрещал. Но дважды в неделю мы ходили исправно.

Прошел тревожный слух, что скоро их должны отправить на фронт. Тревога нарастала с каждым днем, мама часто стала спрашивать об этом отца. Мы уже ходили на Городище чуть ли не каждый день.

Но вот однажды вечером отец пришел домой сам, сказав, что вырвался ненадолго, да вот ещё сфотографироваться успел и подал нам фотографию, «пятиминуткой» называлась. Потом нам папа показал свой медальон-смертник, который хранился в особом карманчике в брюках, около ремня. В нём была трубочкой свернутая бумажка, где указаны данные об отце.

Стал он прощаться. А прощался всегда по-своему: брал под мышки и поднимал каждого из нас высоко над головой (нас было четверо). Так и в этот раз. Только этот раз запомнился мне на всю жизнь. Когда папа поднял меня, у него упала с головы пилотка, и я разревелась, приняв это за роковой знак.

Провожали мы его до леса всей семьей, кроме бабушки и младшего Вовки. Мама говорила, что мы придём завтра или послезавтра. Отец молчал. Мне показалось, что когда он отвернулся, то заплакал. Он-то, наверное, чувствовал, что видит нас в последний раз.

Через день мы с мамой снова пришли на Городище. Но когда мы добрались до места, стало жутко. Какая-то зловещая тишина и пустота окружила нас со всех сторон. Мы заплакали. Стали подходить другие женщины, которые, как и мы, пришли навестить своих солдат. И тут сказали, что ещё вчера они были здесь и увезли их ночью. Говорили и плакали, пока все не устали.

Только одно единственное письмо получили мы от папы с дороги, в котором он написал, что их изрядно бомбили под Москвой. Вот и всё. Кроме извещения и фотографии-пятиминутки ничего не осталось от отца в память о войне». (12)

Анна Никандровна Перунова посвятила памяти отца стихотворение, вот строки из него:

Я наяву не видела войну.
Она незримо сквозь меня прошла,
Когда нам почтальонка боязливо
Вручила извещены; на отца.
Как мать взяла бумагу эту
И, не читая, не глядя,
Прижалась к ней, окаменела,
За огород к стогам пошла.
И рухнула пластом, не доходя.
Как мы над нею всей оравой
Кричали, плакали навзрыд -Нет! Нет!
Неправда это, мама. Он не убит! Нет! Не убит!
Нас за полночь всех бабка собрала
И, пошептав над водою у печурки,
Умыла всех, перекрестила,
Впервые «сиротинки» назвала.

Враг рвался к Туле - важнейшему узлу обороны Москвы. Верховное Главнокомандование принимало срочные меры по созданию резервов на подступах к столице. С этой целью с 17 по 26 ноября 1941 года в соответствии с приказом Военного Совета Уральского военного округа 367-я стрелковая дивизия была передислоцирована по железной дороге 17-ю эшелонами в район станции Буй Ярославской области, где вошла в состав 28-й Северной резервной армии, имея дальнейшую задачу сосредоточиться в районе г. Загорска Московского военного округа. (2)

Ответственный секретарь партбюро 1217-го стрелкового полка, член парткомиссии политотдела дивизии Аким Савельевич Пахомов вспоминает:

«По пути следования на одной из железнодорожных станций военным комендантом нам был вручен пакет, в котором говорилось: «Эшелоны 367 стрелковой дивизии выгрузить на станции Буй, откуда ускоренным маршем к ... числу сосредоточиться в г. Костроме, где со складов получить вооружение и войти в состав армии в Костроме». (13)

Об остановке на этой станции шадринские солдаты писали домой. В семье М.А. Ильиных хранится письмо от 30 ноября 1941 года - от отца, Афанасия Петровича Ильиных, разведчика 367-й стрелковой дивизии: «Остановились в г. Буе, в 12 км от города, в лесах. Холодно. Не знаем, где ещё устроимся».

Федор Терентьевич Гармаш (1905 года рождения) по окончании Московской военно-политической академии был назначен преподавателем истории СССР и ВКП(б) в Свердловское пехотное училище, где работал до 1941 года. Когда началась война, подал рапорт в Уральский военный округ об отправке на фронт. Ему отказали, ответив: «Вы находитесь на втором фронте, воспитываете кадры для фронта». Ф.Т. Гармаш подал вторично рапорт в Главное Политуправление в Москву, где написал, что он коммунист и не может спокойно работать в тылу, когда немцы рвутся к Москве. Москва удовлетворила его просьбу, и Ф.Т. Гармаша назначили комиссаром 1217-го стрелкового полка 367 стрелковой дивизии. Вот что писал Ф.Т. Гармаш семье 1 декабря 1941 года со станции Буй:

«Здравствуйте, моя дорогая и милая подруга жизни Лидуська! Целую тебя, родная, несчетно раз и желаю самых лучших благ в твоей жизни. Здравствуйте, мои дорогие цыплятки, моя жизнь, здравствуйте мои дочурочки Иннусенька и Элечка! Целую вас, мои маленькие, крепко и несчётно раз. Желаю самого крепкого здоровья вам и скорой встречи с папой.

Милая Лидуся! Наконец, я доехал, и пока остановился в г. Буй, точнее, в нескольких километрах от него. Не знаю, сколько здесь пробуду, по обстановке, вероятно, скоро буду у цели. А пока сижу среди лосей и

медведей. Общее состояние здоровья хорошее, сейчас маленько грипп и ангина прижимают. После бани немного остыл, но ничего, уже проходит. Новостей особых у меня нет, а о положении на фронтах ты лучше знаешь, т.к. у тебя есть радио. Могу сказать, что скоро эту фашистскую сволочь будем гнать и беспощадно истреблять как самую опасную заразу. За меня не беспокойся, я пока вне опасности, а если буду у цели, то тоже ничего со мной не случится. "Смелого и пуля боится, и штык не берет". А фашисты — это самые подлые трусы и мерзавцы.

Лидуся! На фотокарточках со мной сфотографирован мой новый командир тов. Булгаков, чтоб ты знала. Может, будет передавать сводку информационное бюро, то ты будешь уже знать, что я вместе с ним. Ну, будь здорова, рыбка. До свидания, целую всех. Ваш Федя». (14)

В г. Буе была проведена работа по доукомплектованию дивизии личным составом, материальному обеспечению всеми видами довольствия.

С 4 по 6 декабря 1941 года дивизия, выполняя приказ командующего 28-й Северной резервной армии, совершила 105-километровый переход от г. Буя до г. Костромы. Шли пятью колоннами по двум дорогам тремя ночами при 25-30-градусном морозе и сильном ветре. Многие были в кожаной обуви, поэтому обмороженных солдат по пути движения отправляли в лазарет. При переходе личный состав дивизии показал выносливость, организованность и высокую дисциплину. (2)

Руфина Ивановна Пруткова хранит письма своего дяди, служившего в конном взводе разведчиков 1217-го стрелкового полка Ивана Григорьевича Ксенофонтова. По этим письмам легко восстановить маршрут движения дивизии вплоть до января 1942 года:

«Пишу из Костромы, куда прибыли вечером. Шли пешком, было холодновато, многие ребята познобились, особенно ноги, т.к. ходили все еще в сапогах. Шли все ночами, а днем отдыхали. Простоем здесь два дня и пойдем дальше, куда - не знаю. Табачку у нас у всех не стало, а без него плоховато. 8 декабря 1941 г.»;

«Здоровье моё ничего, сносное. Дело только за валенками, когда получим, все будет в порядке. Письма пока не пишите, т.к. на место ещё не пришли».

В письме от 14 декабря 1941 года И.Г. Ксенофонтов сообщает, что получили валенки (на пути к Архангельску). (15)

В Костроме воинам дивизии выдали зимнее обмундирование. Со складов были получены винтовки-трехлинейки в густой смазке. Из Костромы дивизия была направлена под Москву, но доехали только до г. Ярославля.

6 декабря 1941 года войска Западного фронта начали контрнаступление под Москвой. Немецкие войска потерпели первое крупное поражение и были отброшены от столицы. 367-й стрелковой дивизии было приказано убыть в распоряжение командующего войсками Карельского фронта.

Глава 2. Первые бои

Карельский фронт был организован в августе 1941 года для ведения боевых действий на северном стратегическом направлении.

Гитлеровское командование бросило сюда части горных егерей, прошедших специальную подготовку для действий в холмисто-лесистой местности и имевших опыт войны на Крите, в горах Греции и Северной Норвегии. Егеря устремились на Мурманск, через который поддерживалась связь СССР с внешним миром и в котором находилась база Северного военно-морского флота. Отдельная немецкая армия «Норвегия» и часть войск Карельской армии финнов рвались к Кандалакше, Кестеньге, Ухте, к Кировской железной дороге, к природным богатствам Карельского полуострова и Карелии. Враг был хорошо обучен, вооружен, тепло одет, имел лыжи и много продовольствия. Им противостояла недостаточно вооруженная и необученная дивизия. Несмотря на это, враг не дошел ни до Мурманска, ни до Кировской железной дороги.

367-я стрелковая дивизия перешла к стабильной обороне, нанося удары по немецким позициям. Почти три года она удерживала занятые рубежи, которые протянулись более чем на 1000 километров - от Баренцева моря до Ладожского озера. Ни один фронт в 1944 году не имел такой большой протяженности. (16)

16 декабря 1941 года железнодорожные составы с зауральцами прибыли на небольшую, затерявшуюся в карельских болотах станцию Быстряги (16 разъезд) Кировской железной дороги. Дальше пути не было. Из-под снега торчали искореженные бомбами рельсы. Глубокие воронки изранили высокую насыпь железной дороги. Линия фронта угадывалась по вспышкам зеленых и белых ракет. Здесь проходил передний край.

Противник все дороги держал под обстрелом. Это на себе испытала 367-я стрелковая дивизия: первые эшелоны дважды попадали под бомбёжки противника. Вспоминает Иван Афанасьевич Шавкунов, возглавлявший продовольственное и фуражное снабжение (ПФС) 3-го батальона 1217-го стрелкового полка:

«Не успел наш состав остановиться, как противник открыл массированный артиллерийский огонь. В воздухе появилась авиация, начали бомбить. Всё это произошло очень неожиданно для нас, многие ещё спали. Создалась суматоха, неразбериха. Кто-то бросился в лес, а я с группой солдат приступил к разгрузке эшелона. Под ураганным огнём люди работали самоотверженно. Разгрузили продукты питания, походные кухни, боеприпасы, фураж, сбрую для лошадей». (17)

По пути следования 1219-го стрелкового полка налетели шесть вражеских самолётов на разъезде Уразозеро Кировской железной дороги, сделали несколько заходов и обстреляли из крупнокалиберных пулемё-

тов, в результате чего паровоз вышел из строя, были убиты командир взвода лейтенант Лапшин, семь человек красноармейцев, девять - ранено. Вторично дивизия была обстреляна вражеской артиллерией на разъезде 15 км из района Великой Губы.

О том, что происходило, мы узнали и из воспоминаний старшего лейтенанта медицинской службы Василия Ивановича Игнатова (село Коврига Шадринского района):

«Из Костромы нас везли на север, в район Медвежьегорска. Не доезжая конечной остановки, наш эшелон был обстрелян неприятельским самолётом. Появилось много раненых, восемь солдат убито. Здесь я получил первое боевое крещение - перевязывал раненых (в то время я был фельдшером миномётного батальона)». (18)

Всего в 1217-м и 1219-м стрелковых полках погибло 14 человек, 32 ранено, убита 31 лошадь. (2)

На станции Романом всему личному составу выдали автоматы американской системы Томпсона, боеприпасы, карабины. Был получен зимний транспорт. На пункте сосредоточения 928-й артполк получил артиллерийское вооружение, пополнился конским составом.

По глубокому снегу, почти по бездорожью полки дивизии направились в район поселка Айта-Ламба, что в 3-х километрах восточнее станции Романцы Кировской железной дороги. «На сотни километров края ни одного села, только леса, озера да болота. Вот в такой местности, без достаточной ориентировки, учебы и подготовки, нам надлежало действовать в бою», - писал командир дивизии И.М. Пузиков. (8)

Вновь обратимся к воспоминаниям В.И. Игнатова: «По прибытию в Айта-Ламбу стояли в лесу, из веток делали шалаши на 3-4 человека, согревались, если можно было, костром. Так как одеты были не по сезону, в сапогах, ботинках и шинелях (валенки и полушубки дали позднее), то появилось много простудных заболеваний и обморожений. Больных и раненых нужно было отправлять в тыл, а транспорта никакого не было». (18)

27 декабря 1941 года было принято решение о создании Масельской оперативной группы. Командующим был назначен генерал-майор Г.А. Вещезерский. 367-я стрелковая дивизия вошла в состав этой группы. В Айта-Ламбе всем полкам дивизии были вручены боевые знамена.

Перед войсками Медвежьегорской и Масельской оперативных групп была поставлена задача: боем разведать силы противника, овладеть городом Медвежьегорском, выровнять фронт. После решения этой задачи войска обеих групп должны были объединиться и занять оборону параллельно линии Кировской железной дороги.

С 18 по 30 декабря 1941 года части дивизии занимались оборудованием огневых позиций, строительством дорог и шалашей, где должны были

разместиться. Продолжалась боевая подготовка, велась разведка перед линией фронта и в глубину до 8 - 10 км.

Разведкой боем и наблюдением было установлено: район 14-го разъезда и севернее по железной дороге до высоты с отметкой 154, О занимается противником силою до роты; район от 14-го разъезда до разъезда 9-й километр по линии железной дороги противником не занимается; район разъезда 9 километр обороняется силою до батальона, усиленного двумя 120-миллиметровыми миномётными батареями.

Противник вёл активную авиаразведку района расположения дивизии. 208-й отдельный зенитный дивизион 26 декабря 1941 года в районе Айта-Ламба сбил один самолёт противника типа «мессершмитт». Самолёт снизился на озере Островной. Летчик-финн застрелился. (19)

Вспоминает сержант 1219-го стрелкового полка Николай Вениаминович Мезенцев (село Ольховка Шадринского района):

«1219-й стрелковый полк прибыл на 16-й разъезд 16 декабря 1941 года. Штаб полка располагался в Айта-Ламбе. Я находился в полковой разведке. Мы располагались в дремучем лесу, не было ни шалашей, ни палаток. Огонь разводить не разрешалось, т.к. все время летали вражеские самолёты. Стоял мороз 35-40 градусов. Мы вели разведку по выявлению расположения основных сил противника, уточняя местонахождение боевой техники. Много было стычек с разведкой противника. Мы несли потери, так как часто наталкивались на засаду». (20)

В минуты затишья домой летели письма:

«23 декабря 1941 г. Нахожусь в Действующей армии Северного фронта Карело-Финской ССР, местечко Карбозеро.

...У всех командиров и красноармейцев полушубки, валенки, ватные фуфайки и брюки, теплое белье, шапки.

Питание хорошее, получаем масло, сало свиное, папиросы. О нас чувствуется постоянная забота т. Сталина. Бьём врагов нашей Родины на каждом шагу, на земле и в воздухе. Силу нашего оружия они не терпят, штыков боятся, но всё же враг ещё силён.

Обо мне не беспокойся, вернусь с победой, снова заживём счастливой жизнью. Помни, что в самых горячих боях я хранить буду и сохраню любовь к тебе и к детям. Звание члена партии Ленина-Сталина пронесу чистым, оно останется кристаллическое. Бойцы Челябинска моего подразделения в боях дерутся как львы, стойкие и мужественные челябинцы-уральцы». (9)

Так писал политрук 3-й пулемётной роты 1217 стрелкового полка Николай Евдокимович Поршнев. Заканчивалось письмо просьбой к жене опубликовать письмо в местной газете. Так те, кто был на фронте, заботились о боевом духе тыла.

Боевые операции в Заполярье были в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде не доводилось оборонять и наступать в такой сложной природной зоне: линия фронта тянулась по тундре и диким скалам, по многочисленным рекам, озерам, болотам. Дули холодные и сильные ветры, снег смешивался с дождем. Ночами постоянные заморозки. Холодный воздух постоянно был насыщен влагой. Под ногами топкие болота, которые не промерзали даже в феврале. Глубокие снега, голые каменные сопки мешали продвижению. (18)

Повествует наводчик 122-миллиметровой гаубицы 1217-го стрелкового полка Иван Иосифович Пельменов (деревня Щучье Юргамышского района):

«Самый тяжёлый был фронт, даже коварный. Холода были в декабре 1941 - январе, феврале 1942 года - до минус 40 градусов. Снег до пояса, землянки строить не было возможности, под снегом вода. Белофинны заняли более выгодные позиции, когда узнали, что прибыла сибирско-уральская дивизия, - нам они оставили болото. Для того чтобы боеприпасы, продукты доставить на передовую, вначале нужно было проложить настил из бревен, иначе лошади тонули, ведь под снегом вода, трясина. окопы делали из брёвен и снега, обогреться негде было, строили шалаши из хвойных сучьев. Огонь разводить было нельзя: днём видно дым, а ночью - огонь, и фашисты в тот же миг из миномётов или орудия открывали огонь. О бане и речи не было. Вы можете не поверить, мы от холода распухали, друг друга подчас не узнавали, говорили шёпотом, так как голоса не было: гортани распухали. Однако, врага громили, да ещё как. Такое расстояние железной дороги освободили - от 4-го до 14-го разъезда - с большими потерями для противника! Несмотря на то, что белофинны были знаменитые тогда лыжники, а мы - без лыж, они не смогли не только прорваться к Мурманску, Беломорску, Архангельску и на Урал - по их плану, как говорили их пленные, - а не смогли удержать ранее занятую оборону. Вот как мужественно сражались наши земляки, не падая духом, зная, что дома родные. Не жалея жизни, шли на бой с заклятым врагом, чтобы молодое поколение не попало под гнет фашистов». (21)

По прибытию на фронт 367-я стрелковая дивизия имела 10 910 человек. Укомплектованность: комсостав - 76,3%; младший начсостав - 93,7%; рядовой состав - 93,8%.

Кроме 4-х полков, в состав дивизии входили: 652-й отдельный зенитный дивизион, 375-й отдельный миномётный дивизион, 427-я отдельная мотострелковая разве дрота, 443-я отдельная рота химзащиты, 816-й отдельный батальон связи, 437-й отдельный сапёрный батальон, 480-я отдельная авторота подвоза, 450-й отдельный медико-санитарный

батальон, 219-я полевая хлебопекарня, дивизионный ветлазарет, 1439-я полевая почтовая станция, отдельная рота автоматчиков.

Сила немалая. Но... командный состав был преимущественно из запаса. Командиры взводов - недавние выпускники пехотных училищ. Рядовой и сержантский состав - преимущественно 1901-1905 года рождения, воинской подготовки не имели, лыжами совершенно не владели. Большинство командиров штабов имели крайне незначительный опыт штабной работы. Из всего личного состава лишь 6,4 % были участниками боевых действий.

Дивизия вооружалась не на месте формирования, а по пути следования: «122-миллиметровые гаубицы и 76-миллиметровые пушки не имели зарядных ящиков и не хватало 8-и передков. Зенитная артиллерия отсутствовала. 82-миллиметровые миномёты не имели прицелов, отсутствовали артиллерийские приборы, буссоли, бинокли, стереотрубы. Средствами связи дивизия была обеспечена. Химическим имуществом была обеспечена не полностью — отсутствовали огнеметы, конские противогазы, специальные дегазационные машины. Самозарядных винтовок было всего 9 вместо 3721 по штату, снайперских винтовок вместо 222 было 18 штук, станковых пулемётов вместо 108 - только 26. Обеспеченность конским составом была 83,1 % против штата. Вместо 203 автомашин по штату в наличии имелось 12». (2) Вот в таких тяжелейших условиях 367-я стрелковая дивизия вступила в свои первые бои.

Гитлеровское командование придавало большое значение Ладожскому озеру, а финны - Онежскому и Беломоро-Балтийскому каналу. Захватив последний, финны получали возможность вести наступление на север, к Белому морю, чтобы окончательно отрезать от страны Мурманск. Но для этого им надо было захватить станцию Масельскую.

Под Масельской финны вышли в начале декабря двумя ударами от Вички и от Падан. Отступавшая от Медвежьегорска 37 стрелковая дивизия, получив подкрепление 61-й и 65-й морских бригад, смогла остановить врага. Но положение было трудным. Финны подвезли в эти районы большое количество снарядов и мин, пополнили танковые подразделения. Хотя количество людей у нас и у противника было примерно одинаковым, у наших войск было в полтора раза меньше артиллерии и в несколько раз меньше автоматического стрелкового оружия.

В одном из воспоминаний помощника командира полка по материальному обеспечению Андрея Михайловича Шерстобитова (шадринца), читаем:

«Пушки получали во время пути следования. В Карелии снег был метровый, а наше оборудование - транспорт и пушки на колесах. Поэтому мы оказались неспособными к боевым операциям. Но не

растерялись. На ходу стали перестраиваться: транспорт и пушки переоборудовали с колёс на сани, которые нам никто не приготовил. Нам самим пришлось их изобретать. Надо сказать, что вся эта работа проводилась только в ночное время, так как вражеские самолёты непрерывно бомбили нас.

В начале боевых действий ввиду неопытности мы терпели очень большие неудачи и несли большие потери, как в личном составе, так и в технике. Финны первое время держали инициативу, а мы ещё не научились воевать. Например, 14-й злосчастный разъезд переходил из рук в руки несколько раз» (53).

Несмотря на это, 1 января 1942 года войска Масельской оперативной группы под командованием генерал-майора Г.А. Вещезерского начали наступление с целью освобождения станции Масельской, удара с севера на Медвежьегорск и занятия обороны по линии Кармасельга - Чебино. В ночь под новый, 1942-й год мощный огневой вал обрушился на позиции финнов. Грянули ответные залпы. Более сорока минут длилась артиллерийская подготовка. Взвились красные ракеты - сигнал к началу стремительного броска.

«367-я стрелковая дивизия вместе с 289-й справа и 263-й дивизией слева начали наступление, цель которого - овладение 14-м разъездом (станция Ванозеро), разъездом 6-й километр и разъездом 9-й километр (на узкоколейке от станции Ванозеро), окружение врага под Масельской и разгром его.

На рассвете 1 января 1942 года части 367 стрелковой дивизии начали наступление в 3-х направлениях: 1217 стрелковый полк наступал в направлении разъезда 9 км, которым и овладел 2 января. Дальнейшая задача: наступать в направлении озера Петтель.

1219-й стрелковый полк наступал на главном направлении - на разъезд 14-й километр, которым овладел к исходу 1 января. Дальнейшая задача: наступать в направлении озера Петтель во взаимодействии с частями 289-й дивизии.

1221-й стрелковый полк наступал в направлении 6-го разъезда, которым и овладел к исходу 2 января. Дальнейшая задача: выйти на рубеж Кривозера и перейти к активной обороне, сковывая противника на этом рубеже.

928-й артполк поддерживал огнём наступающие полки дивизии». (2) Отвагу и мужество проявили в январских боях наши бойцы и командиры.

Ночной бой особенно сложен и тяжел. «На каждом шагу наступавших поджидали новые опасности, коварные сюрпризы. Вот одно из подразделений попало на минное поле, понесло потери. У другого в тылу застре-

котали автоматы "кукушек". Третье угодило под огонь хитро упрятанных пулемётов.

Но вот с правого фланга сквозь грохот боя доносится протяжное "Ура!" Это батальон капитана Георгия Фёдоровича Табуева, шадринца, ворвался в опорный пункт. Солдаты теснили белофиннов по ходам сообщений. Когда смолк один из "Максимов", командир пулемётной роты лейтенант Нелюбов метнулся туда. Рядом с пулемётом чернела свежая воронка, погиб расчёт, отбивая контратаку врага. "Максим" снова ожил в руках Василия Нелюбова». (2)

Штурмом приходилось брать каждую сопку, каждый укрепленный бугорок. Сильный мороз, глубокий снег, пересеченная местность затрудняли действия бойцов. К тому же фашисты встречали наступающих плотным артиллерийско-пулемётным огнём. Бойцы залегли. Политрук 2-го батальона 1219-го стрелкового полка шадринец Михаил Степанович Гедеонов, оценив обстановку, поднял батальон в атаку. Её подхватили соседние батальоны. Удар был стремительным и успешным.

О людских потерях и трудностях рассказывает помощник командира взвода 1217-го стрелкового полка шадринец Григорий Александрович Кубасов:

«Снега в Карелии были глубокие, копали окопы в снегу. Землянок не было, спали где попало, стоя, на ходу. Или делали шалаши из веток елей. На руках были суконные варежки с одним свободным пальцем, но руки в них мерзли. Был подшлемник, чтоб не знобило лицо, но мы его использовали для рук.

На новый 1942 год пошли в наступление на 14-й разъезд. Темно. В снегу идём по живот. Преследовали врага километра два. Здесь нас здорово обстреляли из миномётов. Но мины мимо нас летели, то недалет, то перелет. Потом всё-таки в нас попали. Меня взрывной волной отбросило в сторону, однако не ранило. Но рота пострадала сильно: политрука ранило в руки, убило обоих командиров роты и командира взвода. Помощник политрука взял командование на себя. Мы остановились в лесу. Наступила ночь. А когда рассветало, мы стали отходить к 14 разъезду». (6)

Бои за 14-й разъезд памятны и для шадринца, инженера-капитана 928-го артполка 367-й дивизии Владимира Руфовича Развина:

«Помню бои за 14-й разъезд, что под Петрозаводском - между станциями Масельская и Медвежка. Первый бой был в канун нового 1942-го года. Наша 367-я стрелковая дивизия получила приказ отбить у фашистов и белофиннов этот район и тем самым нарушить их железнодорожную связь с Петрозаводском.

Несмотря на сорокаградусный мороз, бой был жарким. Длился он всю ночь. Враги, покидая свои теплые жилища, заминировали их и оставили накрытыми праздничные столы. Пришлось немало потрудиться минёрам.

50 дней и ночей стойко держались наши солдаты и командиры, защищая этот район. Десятки яростных атак противника, пытавшегося во что бы то ни стало вновь восстановить, железнодорожное сообщение, окончились для него неудачно.

И ещё помню один бой за этот разъезд. Сотни артиллерийских орудий, наших и неприятельских, не умолкали несколько часов. Казалось, небо смешалось с землёй. Но мы выстояли. А когда канонада смолкла, то на месте бывшего леса взору предстало поле с вывороченными корнями и пнями вместо деревьев». (22)

Повествует начальник управления связи 1217-го стрелкового полка лейтенант Иван Николаевич Макеев (районный посёлок Юргамыш):

«По прибытии на фронт, наш 1217-й стрелковый полк занял оборону в районе 14-го разъезда. В ночь на 1 января 1942 года по приказу командования полка силами двух взводов была совершена разведка боем с задачей - выбить противника и занять 9-й разъезд. Противника, справлявшего новый год, мы застали врасплох. Нами полностью был уничтожен вражеский гарнизон, наши потери — два бойца получили ранения. На второй день прибытия получили задание произвести разведку 16-го разъезда, который занимал противник.

Со взводом разведчиков я ходил за «языком» на передовую. Одна из разведок была с боем. Ночью противник ушёл в землянки. Мы проникли во вражеские окопы, забрали кабель. Когда стало светать, неприятель вернулся. Завязался бой. Мы вызвали огонь на себя и стали отходить. Упал первый снаряд, но нас никого не задел. Разведчики, отступая, вышли на железную дорогу. Все остались живы». (25)

Ещё одним камнем преткновения была высота 153, 0. Она была расположена восточнее 14-го разъезда Кировской железной дороги и находилась впереди основной линии обороны противника. Это был сильно укрепленный опорный пункт.

Тяжело здесь нашим пришлось. Вокруг — болота, а на этой высоте немцы укрепились надолго. Она была выгодна для них, потому что с неё просматривались многие участки переднего края нашей обороны и даже тылы. Операция по захвату высоты тщательно разрабатывалась. В ночь перед атакой сапёры сделали проходы в проволочных заграждениях. Одна из рот захватила окопы первой линии и несколько огневых точек. Противник был застигнут врасплох, но очень быстро перешёл в контратаку. Бой на высоте длился до вечера. На другой день командование противника начало подтягивать вторые эшелоны. Их контратаки про-

должались несколько дней, но к вечеру третьего дня финны вынуждены были отступить.

В этих ожесточённых боях многие наши бойцы совершили подвиги.

Командир взвода старший сержант Сергей Тимофеевич Тюрпека первым ворвался на высоту. Его подвиг был столь значителен и дерзок, что в войсках о нём даже сложилась легенда:

«Несколько раз в атаку на эту высоту ходили. Ночь наступила. А нашим ни окопаться - под дёрном вода, ни согреться - немцы даже по огонькам сигарок огонь открывали. Лежат солдаты, мёрзнут. С нейтральной полосы стоны раненых доносятся. Командир дивизии крепко призадумался: обойти высоту нельзя - вокруг болота, а не наступать нельзя - приказ. Но не один он об этом думал. Перед рассветом пошли к нему несколько солдат. Один из них, старший сержант Сергей Тимофеевич Тюрпека, сказал: "Товарищ генерал, доверьте мне знамя дивизии, и утром оно будет стоять на высоте". Встал генерал, посмотрел внимательно на Тюрпека и солдат, с ним пришедших, помолчал. И приказал: "Принести знамя дивизии".

С рассветом снова поднялись наши в атаку. И хоть огонь был не слабее, чем вчера, и убитых падало не меньше, но солдаты видели впереди знамя дивизии. Ни одна пуля не тронула Тюрпека, ни один осколок не задел. Добрался он до самой вершины, вогнал древко в каменную щель и выпрямился, вытирая пот со лба. Вот тут-то и ударила в висок горячая пуля. Дрогнул он, обхватывая древко руками, и медленно опустился на землю. С той поры эта высота зовется высотой Тюрпека». (23) Взвод Тюрпека отбил 16 сильнейших контратак противника.

Эту же легенду рассказал нам белоярский житель Иосиф Степанович Домрачев, связист 1217-го полка 816-го отдельного батальона связи, который восстанавливал связь между двух огней - своих и противника. И вот ещё одно его воспоминание:

«В декабре 1941 года снега в Карелии были глубокие, морозы достигали 60 градусов. Наши войска пошли в наступление, а нам нужно было обеспечить связь. Лыж не было, шли по пояс в снегу, один за другим, протапывая тропу. Финны все отлично ходили на лыжах, в этом было их преимущество. Выскочит такой из ельника, даст очередь по отделению, и у нас сразу потери. А он быстро скрывается. В февральских боях от моего взвода осталось 5 человек. Первые месяцы и жили в снегу. Когда перешли к обороне, стали рыть землянки, блиндажи». (24)

Тяжёлые бои шли за каждую сопку. О них рассказывает житель села Ольховки Шадринского района Николай Вениаминович Мезенцев, разведчик 1219-го стрелкового полка:

«Один батальон 1219-го стрелкового полка, оторвавшись километров на восемь, был окружен на одной из сопкок и отбивался, как мог. 9 января

1942 года нас, разведчиков, 45 человек и 100 стрелков из других батальонов направили на выручку товарищей. С боем достигли мы расположения, доставили боеприпасы и продукты. Комбат всех стрелков отправил на сопку, где шли основные бои, а разведчикам приказал прочесать лес, где засели снайперы и автоматчики, чтобы таким образом очистить тыл батальона на 500 метров. Задание было выполнено, но очень дорогой ценой. Из 45 человек пятеро ранено и 19 человек погибли. Это случилось потому, что финны, замаскировавшись на деревьях, били прицельно, а мы большей частью стреляли наугад.

Когда операция была выполнена, комбат разрешил нам отправиться в наш полк, который находился на 14-м разъезде. Мы пошли вечером 10 января и напоролась на засаду финнов, опять потеряли пять человек и два человека раненых. Пройти не смогли и снова вернулись в расположение батальона. Утром 11 января с боями к нам пробился целый батальон и выручил нас. В полк мы прибыли в составе 21 человека вместе с ранеными». (20)

Отвагу проявили связисты 1219-го стрелкового полка. Один батальон потерял связь с полком. Командир взвода Фёдоров под шквальным огнём противника восстановил её и в течение двух часов охранял от финнов. Батальон вышел из окружения.

Ещё один эпизод вспоминает рядовой 1217-го стрелкового полка Павел Иванович Струихин (Шатровский район):

«Мы вели оборонительные бои, немцы наступали. Стоял сильный мороз, а мы залегли в болоте - укрытий не было. Многих ранило, им не успевали оказывать помощь. Рядом со мной убили молоденького санитаря, перевязывавшего тяжелораненного. Силы были неравными, поэтому прозвучала команда об отступлении. С поля боя меня, раненного в ногу, вынесли однополчане. Спасибо им. Шли долго по глубокому снегу, с ранеными, обессиленные от боя и холода». (26)

На третий день боя писал письмо домой Силантий Васильевич Харлов (его дочь Елизавета Силантьевна Ванцева живёт в селе Красная Нива Шадринского района):

«Боевой новогодний привет с фронта всем родным и знакомым. В наступающем новом году я буду хорошо биться на боевом фронте. А вы, не покладая рук, работайте на фронте труда. Общими усилиями ускорим победу над проклятыми недругами. Мы дерёмся с белофиннами на петрозаводском направлении. Движемся всё вперед, назад не отступаем. Далее сообщаю, что нас обмундировали очень хорошо, дали хорошие шубы, валенки и подшлемники, кормят хорошо. Спим только большую часть в снегу, в лесах. Ходили несколько раз под смертью. Но пока, вид-. но, живы. Прошу вас, пишите письмо, может быть, дойдет, хоть узнал бы, как живете. Адрес мой: действующая армия, полевая почта и/я 14/39,

полк 1217, 2 батальон, взвод снабжения, Харлову. Пишите, что новенького, кто живет дома, кто взят и как живете с хлебом». (27)

4 января 1942 года наступление продолжалось. Командир взвода 1-го батальона 1217-го стрелкового полка шадринец Анастас Андреевич Таланкин дал приказ рядовым Степану Матвеевичу Жукову и Ивану Захаровичу Брюханову доставить на передний край в 1-й батальон боеприпасы и продукты питания. В это время шел сильный бой, батальон попал в окружение. Дорога оказалась перерезанной немцами. Они хотели захватить живыми наших бойцов, но те открыли по врагам огонь. Шадринцы С.М. Жуков и И.З. Брюханов погибли в этом неравном бою. (5) Рассказывает Григорий Александрович Кубасов:

«5-6 января 1942 года поступило распоряжение идти в тыл противника. Шли всю ночь, вышли к сопке, остановились. Командир батальона приказал расположиться в оборону. Холодно лежать, в окопах - снег по горло. Побегает, погреемся, да опять в окоп.

Пока было темно, противник нас не видел. А с рассветом стал нас обстреливать. Черепанова и Сивякова из Мехонки ранило, Гурьева из Красномылья убило, дважды ранило помощника командира взвода.

Стали рыть окопы до дороги к штабу, метров 30. Докопались до основной магистрали и перебежками добежали до штаба батальона. Там увидели четыре шалаша, где сидели раненные в ноги бойцы, остальные ушли, пообещав за ними приехать. Мы побежали догонять штаб батальона. Наступила ночь. Трое суток мы были без еды - кухню разбило.

Утром, когда вышли из леса, нас опять обстреляли. Командир роты лейтенант Карлов предложил идти к Кировской железной дороге. Санинструктор Сапожников и командир роты шли впереди, за ними - 16 оставшихся в живых бойцов. Шли лесом наугад. Кончился лес - нас опять заметило отделение финнов. Они - на лыжах, а мы - уставшие от глубокого снега и перехода. Они полоснули по нам из автоматов, а мы - из винтовок. Финны в бой вступать не стали.

Мы продолжили путь к железной дороге. Дошли до насыпи, но куда вышли - не знаем. Карпов сам пошёл в разведку. Вернулся, а мы спим кучкой - так устали. Оказывается, мы вышли на нейтральную полосу между 14-м разъездом и финнами.

Нас поставили в оборону около 14-го разъезда». (6)

Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, 14-й разъезд был взят. Дивизия направилась к озеру Коммунаров и, успешно отражая контратаки, продвинулась в первый же день вперед на 2-3 км. Еще долго продолжались ожесточенные бои. Лишь 9 января начали стихать выстрелы. Дивизия поставленную задачу выполнила. Противник понёс значительные потери, после которых он уже не в состоянии был наступать. В этом было главное значение январских операций.

В боях отличились солдаты и командиры 1217-го стрелкового полка во главе с командиром майором Петром Васильевичем Булгаковым, 1-й и 3-й батальоны 1219-го стрелкового полка во главе с командиром майором Николаем Александровичем Стрельниковым.

В боях за 14-й разъезд воевали шадринцы: И.А. Шавкунов, М.Е. Плотников, И.Я. Черепанов, из Шадринского района - А.У. Ковков, В.И. Игнатов, из Челябинской области - Д.М. Щелудков, Х.М. Бухвалов, С.Н. Комиссаров, Г.Г. Солдаткин.

В боях за разъезды 9-й километр и 14-й километр Кировской железной дороги большие потери были из 1217-го и 1219-го стрелковых полков, которые наступали на главном направлении. Из 1217-го полка погибли: станковый пулемётчик М.М. Волков (г. Касли Челябинской области), старший сержант Захаров из Шатровского района. Из 1219 стрелкового полка погибли солдаты музыкального взвода вместе со своим командиром Алексеем Степановичем Киселевым, которые по своему желанию ушли в стрелковые роты. Погиб А.С. Орлов (деревня Перунова). Погиб мастер-литейщик с шадринского завода имени 2-й пятилетки Геннадий Васильевич Сизов — его красноармейская книжка и карточка кандидата в члены ВКП(б) были пробиты вражеской пулей. Погибли командир 2-й пулемётной роты лейтенант Михайлов, командир 8-й роты лейтенант Радыгин, политрук 7-й роты Ческидов П.И. (директор Шадринской школы счётных работников), политрук 1-й роты Иванов, артиллерист батареи 76-миллиметровых пушек И. Большаков (председатель Утичевского сельсовета Мокроусовского района). По ранению выбыли из полка: парторг полка лейтенант А.С. Пахомов (секретарь Батурина райкома КПСС), помощник начальника штаба полка по разведке лейтенант А. Медведев, начальник санитарной службы врач Маньков, адъютант командира полка лейтенант Манаков, командир 3-го батальона лейтенант Свистун.

Из 1221 стрелкового полка погиб шадринец - командир 1-го батальона старший лейтенант Георгий Фёдорович Табуев. (4)

Светлая им память.

Командующий войсками Масельской оперативной группы генерал-майор Г.А. Вещезерский этот бой - первое боевое крещение дивизии - оценил как удачное. (1) Фашисты были выбиты с разъездов 6-й, 9-й, 14-й километр, отброшены на юг от станции Масельская. Наступая на широком фронте и имея всего лишь один 928-й артиллерийский полк и миномётный дивизион, 367-я стрелковая дивизия в результате упорных боев очистила от врага территорию 34 квадратных километра, нанеся при этом противнику значительный урон в живой силе и технике.

В соответствии с Приказом командующего Масельской опергруппы войск № 07-ОП, с 9 января по 21 февраля 1942 года 367 стрелковая

дивизия перешла к активной обороне и оборонительным боям на рубеже: юго-восточный берег озера Коммунаров, железнодорожная станция Будка, восточный берег оз. Учма-лампи, северный берег Щукозера, северо-восточный берег безымянного ручья. (28)

Но 14-й разъезд опять оказался в центре боевых действий. Немцы и белофинны возлагали на него большие надежды по захвату всей Кировской железной дороги. Они не хотели мириться с потерей очень важного в стратегическом отношении разъезда, и стали подтягивать резервы в этом направлении. В течение января 1942 года противник вёл ожесточённые бои, но успеха не имел.

367-я стрелковая дивизия представляла для противника наибольшую опасность: выступ, который образовали части стрелковых полков под 14-м разъездом, нависал над позициями противника.

Однако трудностей хватало и у нас. Вспоминает командир дивизии И.М. Пузиков:

«Штатного инструмента, кроме солдатских лопат, не было, и солдаты не могли углубиться в промерзшую землю. И, как бывает на войне, враг этим воспользовался».

Из воспоминания Алексея Васильевича Мартынова (1-й батальон 1219-го стрелкового полка), жителя Челябинской области:

«6 февраля 1942 года финны при поддержке немцев, которые находились во втором эшелоне финской армии, предприняли мощное наступление на занимаемые батальоном рубежи, и им удалось потеснить дивизию, которая понесла большие потери в живой силе и технике».

Из документа «Исторический формуляр стрелкового полка Архива Министерства Обороны»:

«3 февраля 1942 года в 5.45 утра после мощной артиллерийской подготовки противник двумя усиленными пехотными батальонами прорвал передний край обороны 2-го и 3-го батальонов 1221-го полка, одним батальоном лыжников-автоматчиков обходом с востока занял восточную окраину разъезда 14-й километр. Ещё один пехотный батальон атаковал разъезд с юга. В момент удара противника в батальонах переднего края обороны находилось по 170 человек. 6 февраля в 6.45 разъезд 14 км был занят противником. Закрепившись на достигнутом рубеже, противник перешел к обороне.

6 февраля 1942 года в 6.45 сосед справа - 1-й стрелковый батальон 1219-го стрелкового полка по приказу своего командира отошёл с господствующей высоты, открыв противнику фронт. Командир 1217-го полка не был предупрежден об этом. Получив возможность, две группировки войск противника окружили 1217-й полк на высоте в районе Бар.

С 24.00 6 февраля до исхода дня 7 февраля 1942 года противник, обороняя занятые рубежи, одновременно вел непрерывные атаки участка

обороны 1217-го полка. Полк героически оборонялся, отстаивая каждую пядь земли. Огнем и контратаками отбивал наступление противника. Враг нёс большие потери. По приказу командующего Масельской оперативной группы войска 289-й стрелковой дивизии с резервными подразделениями 1219-го стрелкового полка повели наступление на обороняющегося противника с задачей соединиться с 1217-м стрелковым полком. Встретив сильное сопротивление, наши части залегли и перешли к обороне, не выполнив поставленной задачи. 1217-й стрелковый полк, не получив подкрепления в живой силе, боеприпасов и продовольствия, героически погиб в жестоких схватках с противником». (2)

Командир 1217-го стрелкового полка майор Пётр Васильевич Булгаков и комиссар майор Фёдор Терентьевич Гармаш со своим полком вели бои трое суток. 24 атаки, следовавшие одна за другой, были отбиты. Израсходованы все патроны и гранаты. Бились до последнего.

1217-й стрелковый полк погиб, потеряв убитыми 700 человек, ранено было 500, пропало без вести 150 человек. Вместе с личным составом полка погибли П.В. Булгаков и Ф.Т. Гармаш, начальник штаба старший лейтенант П.И. Смирнов, парторг полка Сухов, начальник особого отдела майор Скопин. Из показаний пленных немцев стало известно, что противник в этих боях нёс большие потери, поэтому немцы и финны были озлоблены, в плен не брали, уничтожая раненых (из воспоминаний шад-ринца А.М. Шерстобитова).

Из окружения вышли через пять суток. Полк погиб, не отступив. Знамя полка было спасено. Враг к Кировской железной дороге не прошёл.

В 1217-м полку было много шадринцев, и в наш родной город полетели похоронки. Шадринск в буквальном смысле осиротел в одночасье. Имена 336-и шадринцев, погибших за Отечество, увековечены в издании «Книга Памяти. 1941-1945. Курганская область. Том 3, 4. Шадринск и Шадринский район» (Курган, 1995).

«В дивизии не было случая паникерства, растерянности или трусости. Все бойцы и командиры проявляли исключительную стойкость и храбрость». (29)

В один из моментов боя обстановка сложилась так, что наблюдательные пункты командира 5-й батареи артиллерийского полка лейтенанта Терещенко Григория Андреевича и командира третьей батареи того же полка лейтенанта Конушкина Владимира Михайловича и их взводы управления оказались окруженными противником. Враг всё яростнее наседавал на советских воинов. В решительную минуту схватки комсомольцы Терещенко и Конушкин вызвали огонь своих батарей на себя. В этом неравном бою они пали смертью храбрых. (1)

В бою за 14-й разъезд комиссар батальона 1219 стрелкового полка политрук Иван Кононович Гляделов (г. Курган) в самый решительный

момент схватки с врагом, когда был тяжело ранен командир, повёл батальон вперед и выполнил поставленную задачу.

Полк Гедеонова оказался отрезанным от остальных частей дивизии. Две недели наши войска отбивали атаки. У политрука всегда находились нужные слова, чтоб подбодрить уставших, вселить в них боевой дух. Мужество и воля воинов победили. Противник был отброшен. При взятии вражеских позиций Михаил Степанович Гедеонов был тяжело ранен и умер на руках своих товарищей.

В апреле 1942 года боевые друзья политрука писали жене М.С. Гедеонова Марии Михайловне и детям Юрию и Музе:

«Мы - сотрудники особого отдела НКВД с чувством глубоких переживаний сообщаем Вам, что ваш муж Михаил Степанович героически погиб в бою смертью храбрых, в борьбе со злейшим врагом германо-финским фашизмом. Смерть вашего мужа есть не только ваша, но и наша потеря. Мы никогда не забудем эту тяжелую утрату, будем мстить и уничтожать фашистских варваров до тех пор, пока ни одного оккупанта не останется на нашей счастливой советской земле». (30)

Из воспоминаний шадринца, заместителя командира по снабжению 1219-го стрелкового полка, майора Петра Ефимовича Лебакина узнаём о боях 6 февраля 1942 года:

«Закончив перегруппировку своих войск, в ночь с 4 на 5 февраля 1942 года противник из обороны перешёл в наступление и прорвался на участке 1-го батальона. Командир полка майор Николай Александрович Стрельников принимает решение: создать оборону на линии командного пункта полка. В то время я был оперативным дежурным на КП. Противник упорно наступал, а в это время наши из обороны справа и слева стали отступать. Для восстановления правого фланга отправился начальник штаба полка капитан Фёдор Михайлович Кононенко и оперуполномоченный контрразведки Михаил Степанович Гедеонов, где Ф.М. Кононенко был ранен, а М.С. Гедеонов убит.

Положение на левом фланге обороны также ухудшилось. Наши солдаты стали отступать. Комиссар полка Пётр Иванович Сергиенко принял от меня обязанности оперативного дежурного полка, а мне поручил отправиться на левый фланг для предотвращения отступления наших войск. Благодаря принятым мерам оборона была восстановлена.

В этом неравном бою мы понесли большие потери, но противнику не дали продвинуться ни на шаг». (31)

Об этом же бое рассказывает Николай Вениаминович Мезенцев (1219-й стрелковый полк):

«6 февраля 1942 года рано утром финны перешли в наступление, прорвав оборону на правом фланге, и основными силами заняли 14-й

разъезд. 1217-й стрелковый полк оказался отрезанным и попал в окружение, из которого вышло 38 человек.

На штаб 1219-го стрелкового полка вышел отряд лыжников-автоматчиков в количестве 200 человек и охватил штаб полукругом. Наступила критическая минута. В такой момент командир полка майор Стрельников и начальник штаба капитан Кононенко сумели организовать оборону штаба, собрав все мелкие подразделения. Отбили неприятеля и перешли в наступление, и противника гнали вплоть до 14-го разъезда. Начальник штаба Кононенко был тяжело ранен, но продолжал вести бой. Майор Стрельников действовал героически, шёл все время впереди, увлекая, воодушевляя бойцов своим личным примером.

18 февраля 1942 г. оставшихся в живых 1 700 человек (было 16 000) передали в 37-ю дивизию». (17)

Григорий Андреевич Енбеков, командир 3-го пулемётного взвода 1219 стрелкового полка (Челябинская область) хорошо помнит своих командиров: «Командир 3-го батальона старший лейтенант И.И. Беленький (кадровый офицер, прибывший в полк из госпиталя) весь израненный, истекая кровью, преследовал врага до тех пор, пока не покинули силы. Его нашли на второй день в нейтральной зоне, он был ещё жив.

Начальник штаба Кононенко вел в течение часа поединок с финским офицером и вышел победителем.

Бойцы пулемётного расчета всю ночь оборудовали боевую позицию. На рассвете появились финны, которые спустились на лыжах с горы прямо на позиции 3-й стрелковой роты. Бойцы пропустили финнов на 100 метров и обрушили на них всю силу огня. С огромными потерями финны прекратили наступление». (32)

Расчёт станкового пулемёта был выведен из строя, финны решили захватить пулемёт. Санитар пулемётной роты Чеченцев подполз к орудию и в упор открыл огонь по врагам, уничтожив 10 белофиннов, и, переменив позицию, продолжал отбивать атаки противника.

Из воспоминаний Андрея Устиновича Ковкова, сержанта 1217-го стрелкового полка (Шатровский район):

«На 14-м разъезде ходили в разведку узнать расположение противника. На нас вышло отделение финнов на лыжах, в белых халатах. Мы открыли огонь, залегли в болоте. Остались живы. Только убило одного санитаря из Курганской области. Мы похоронили его и вернулись в свой батальон». (33)

О подвиге связистов рассказывает начальник радиостанции, командир взвода, роты 1219-го стрелкового полка Иван Семенович Полевик из Челябинской области:

«Когда один из батальонов 1219-го стрелкового полка был отрезан, связь с ним прервалась. Для её восстановления выслали группу бойцов линейного взвода, которая вышла на линию. Преодолевая сильный огонь противника, отбиваясь отседавших финских автоматчиков, войны нашли обрыв линии, восстановили связь и в течение двух часов охраняли её. Батальон получил связь. Отразив атаки противника, вышел из окружения». (34)

Жители Челябинской области, входившие в состав 1219-го стрелкового полка - пулемётчик станкового пулемёта Михаил Сысоевич Кошель, санитар Алексей Николаевич Голубович, а также Григорий Григорьевич Климов, оружейный мастер, производивший ремонт пулемётов, пистолетов, автоматов, винтовок, 45-миллиметровых пушек, 82-миллиметровых и 120-миллиметровых миномётов, - были участниками февральских боев за 14-й разъезд и хранят в памяти эти события до сих пор.

Все четыре года прошёл по дорогам войны в составе 367-й стрелковой дивизии командир взвода 1217 стрелкового полка лейтенант Анастас Андреевич Таланкин (город Шадринск). Со своими воспоминаниями о военных эпизодах, о жарких боях, о мужестве однополчан он часто выступал на страницах городской газеты. Из этих заметок мы узнали о подвигах шадринцев, воевавших в 367-й стрелковой дивизии. Вот некоторые из них:

«До Великой Отечественной войны заместитель комиссара 1217-го стрелкового полка майор С.З. Калинин занимался одним из самых мирных дел - он руководил Челябинским и Шадринским педагогическими техникумами. Перед самой войной Семен Захарович возглавлял отдел агитации и пропаганды Шадринского райкома КПСС. Отсюда он ушёл на фронт. Среди личного состава полка майор Калинин пользовался авторитетом и любовью. Мы верили каждому слову своего политрука, он умел поднять боевой дух людей, вселить уверенность в силу советского оружия.

Шли бои в Медвежьегорском направлении. Наш 1217 стрелковый полк попал в окружение. Три дня мы отбивали одну атаку за другой, иногда бой переходил в рукопашные схватки. Боеприпасы были на исходе, кончились продукты, людские потери были огромны. Когда пулемётной очередью был сражён командир 1-го батальона Василий Николаевич Стрежеченко, политрук Калинин, взяв на себя командование, повел людей в атаку. Окружение мы прорвали, но дважды раненного политрука схватили гитлеровцы. Они искололи его штыками и ножами, при этом кричали: "Коммунист!", "Комиссар!". Так погиб и отдал свою жизнь за победу Семен Захарович Калинин». (35)

«До войны Александр Петрович Теревенин работал председателем Шадринской промысловой артели "Кооператор", Зайков - заместителем

председателя артели "Кондитер", Власов - председателем Осеевского сельпо. Все они были призваны в ряды Советской армии в первые дни войны и воевали пулемётчиками в одном расчете в составе 1217-го стрелкового полка. Дивизия держала оборону в Медвежьегорском районе. Попытки финнов и немцев взять Кировскую железную дорогу не имели успеха, мы стояли насмерть.

В эту ночь, 6 января 1942 года, гитлеровцы, пошли на штурм позиций 3-й роты, которая располагалась на небольшом острове. Пулемётный расчет коммунистов Власова, Зайкова и Терebeneина был придан этой роте. Внимательно следили солдаты за нейтральной полосой. И когда фашисты в белых маскировочных халатах на лыжах попытались скрытно подойти к нашей траншее, их вовремя заметили и встретили дружным огнём винтовок и пулемётов.

Ударила артиллерия врага, разрывы снарядов всё ближе и ближе. Тяжело ранило пулемётчика Власова. За рукоятки "Максима" взялся Зайков. "Подпустим их ближе, чтоб бить наверняка", - сказал он своему товарищу. Уточнил прицел, выждал момент и открыл огонь. Очередь, вторая, третья. Враг повернул. И тут случилось непредвиденное. Рядом с пулемётом разорвался вражеский снаряд. Погибли отважные пулемётчики. Но и фашисты не прошли». (36)

«В Масельской на станционных путях лежали опрокинутые на бок взрывной волной обгоревшие вагоны. Разрушено депо, стены вокзала выщерблены осколками снарядов. И среди них чудом уцелевшая водокачка. Мы решили ею воспользоваться.

На водокачку забрался командир батареи капитан Нацибулин и с наблюдательного пункта успешно корректировал огонь артиллерии. Потом на водокачку втащили противотанковую пушку, которая вскоре уничтожила автомашину противника с боеприпасами и кухню. Враг, конечно, накрыл водокачку шквалом огня, пришлось временно убраться с неё. Через некоторое время на водокачке установили станковый пулемёт, и он оказал добрую службу защитникам, когда противник внезапным ударом хотел выбить нас со станции». (37)

«Иван Григорьевич Ксенофонтов работал в Шадринске заведующим учебной частью медицинского училища. В войну он стал политруком 3-й роты 1217 стрелкового полка.

4 февраля 1942 года мы стояли в районе станции Масельской. Враг неожиданно атаковал наш полк. Была глухая ночь. Третья рота была отрезана в ходе боя и вела его самостоятельно, связи с полком не имела. Бои были ожесточенные, по шесть раз в сутки поднимались финны в атаку против окружённой роты, предлагая сдаться. После того, как был убит командир роты Карпов, командование принял на себя Ксенофонтов. Рота продолжала бой. Но вот уже нет ни одной гранаты, кончились патроны,

четверо суток нет продуктов. К тому же ещё и мороз в 40 градусов донимает.

Сохранилась тетрадь с записями Ивана Григорьевича: "2 февраля 1942 г. идет сильный рукопашный бой, шквальный огонь, свист, гул, грохот от разрывов снарядов, а волны воздуха сбивают с ног, слёзы гордости и радости за своих солдат текут из глаз. Все они готовы сражаться, не жалея своих сил и жизни.

3 февраля 1942 г. Вот уже второй месяц рота в непрерывных боях. Сегодня с утра начался сильный обстрел наших позиций. Несём потери. Солдаты привыкли к сильным морозам - обморожений нет"... На этом обрываются записи политрука Ксенофонтова». (38)

В воспоминаниях А.А. Таланкина есть рассказ о рядовом Косте Суханове: «В холодную декабрьскую ночь 1941 года взвод, которым я командовал, был выведен из боя. Наскоро убрав снег и соорудив два шалаша, бойцы расположились, развели костёр. Дым разъедал глаза, солдаты проклинали немцев и Гитлера за то, что он напал на нашу Родину и нарушил нашу мирную жизнь. Громче всех ругал немцев и подкреплял крепкими словами Костя, как привыкли его называть. В это время раздался окрик часового: "Стой! Пропуск". В шалаш вошли двое — командир батальона Василий Николаевич Стрежеченко и военфельдшер Новожилов. "Кто так громко ругается?" - спросил командир. "Это я, Суханов", - ответил Костя. "Ишь, герой какой в шалаше-то. Вот нам нужен такой, как ты. С поля боя нужно вынести раненых бойцов. Вот ты и возглавишь группу. Командир взвода Таланкин! Выделить в распоряжение Суханова пять человек солдат, а вы, Новожилов, дайте хорошего коня, пусть вынесут раненых и доставят в санроту. Выполняйте!"

Двадцать раненных бойцов были вынесены и доставлены в санитарную роту и медсанбат за ночь, а Костю Суханова, по распоряжению командира батальона, пришлось откомандировать в санитарный взвод. Там по душе ему пришелся его боевой конь Соловей, быстрый и смелый, не боящийся разрывов мин и снарядов. Поставит его Костя, бывало, за железнодорожную насыпь, пули летят через верх, а конь ушами прядет и хвостом отмахивается, думает по-своему, что это шмели, головой качает. Каждый день, а иногда и ночью приезжал к нам Костя, рассказывал, кто из бойцов умер от ран, а иногда привозил к нам в окопы долгожданные письма-треугольники из дома, газеты и сообщения Совинформбюро. Мы так к этому привыкли, что всё время ждали его.

20 февраля 1942 года, когда Костя приехал к нам за ранеными, немцы как будто ждали этого. Их артиллерия обрушила шквал огня, один снаряд упал и разорвался там, где стоял Костя. Соловей вздыбился, упал, погиб и Костя Суханов. Из кармана гимнастерки мы извлекли письмо от жены, её фото и сына. На фото надпись: "Нашему сыну Лене - годик".

В Шадринске многие помнят Костю Суханова. Он вынес их с поля боя, рискуя своей жизнью». (39)

За период с 17 декабря 1941 года по 21 февраля 1942 года - то есть в январских и февральских боях - потери 367-й дивизии составили: убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации - 1141 человек, ранеными с эвакуацией в госпиталь - 2822 человека, заболевшими с эвакуацией в госпиталь — 655 человек, пропавшими без вести — 2967 человек, по различным причинам - 25 человек. Всего 7610 человек. (2)

Вот они, по документам - «без вести пропавшие», а в действительности - героически погибшие в жестокой схватке с врагом.

10 и 11 февраля 1942 года 1219-й стрелковый полк во взаимодействии с 289-й стрелковой дивизией вёл наступление на обороняющегося противника, закрепившегося на рубеже Крив-озеро - Безымянная высота. Продвинувшись на 500-600 метров и потеряв около 4 % личного состава, полк перешёл к обороне.

1221-й стрелковый полк, прочно удерживая ранее занимаемые рубежи, продолжал вести активную разведку и огнём полевых караулов отбрасывал мелкие группы противника от переднего края обороны.

С 12 по 21 февраля 1942 года 1219-й и 1221-й стрелковые полки на занимаемых рубежах производили оборонительные работы: оборудование окопов, ходов сообщений, строительство дзотов, установку проволочного заграждения.

На рубежах 9-го и 14-го разъездов дивизия перешла к обороне, преградив путь врагу к Мурманской железной дороге. Обороняться пришлось в невыгодных условиях. Линия обороны была растянута, и в резерве находился лишь один стрелковый батальон, артиллерия имела мало боеприпасов. Сравнительно спокойно оборонялись до 18 февраля 1942 года, а в ночь на 19 февраля противник открыл ураганный артиллерийско-миномётный огонь и крупными силами перешел в наступление.

Бой продолжался двое суток. Бойцы и командиры проявили мужество и стойкость, враг потерял значительную часть своих войск и преодолеть наше сопротивление не смог. Как было установлено после допроса вражеских пленников и из захваченных разведчиками документов, руководил подготовкой наступления министр вооруженных сил Финляндии Ман-нергейм. Он ставил задачу разгромить 367-ю стрелковую дивизию, выйти к 16-му разъезду, овладеть городом Беломорском и захватить железную дорогу, но бойцы и командиры 367-й стрелковой дивизии не дали осуществиться этим намерениям. (54)

Глава 3. Период перестроения 367-й дивизии.

Оборонительные бои на Масельском направлении

22 февраля 1942 года 367-я стрелковая дивизия по приказу командующего Масельской оперативной группой войск генерал-майора Вещезерского сдала часть личного состава и свою полосу обороны 37-й стрелковой дивизии, которой было передано: начсостава - 37 человек, младшего начсостава - 489 человек, рядового состава - 2 559 человек. Всего 3 085 человек.

367 стрелковая дивизия была передислоцирована в город Кемь. В период с 27 февраля по 7 мая 1942 года части дивизии, потеряв 90 % личного состава, доукомплектовались за счет прибывших маршевых рот из г. Вологды, Сибирского военного округа и других источников Карельского фронта. Численный состав дивизии сосредоточения в районе г. Кемь составлял: офицерского состава - 576 человек, сержантского состава - 278 человек, рядового - 763 человек. Всего 1617 человек. (2)

Наряду с укомплектованием личным составом дивизия получила материальное обеспечение, вооружение, транспорт.

6 июня 1942 года укомплектованная почти до полного штата и личным составом, и материальной частью, 367-я стрелковая дивизия передислоцировалась в район Айта-Ламба Медвежьегорского района в распоряжение 32-й армии. В период с 19 по 23 июня 1942 года 367-я дивизия приняла оборону от 37-й стрелковой дивизии в полосе: восточный берег Кривозера (9672), северо-западный и северный берег Ванжозера, безымянный ручей (9874), излучина реки Леппа (9876), северные скаты высоты с отметкой по горизонтали «14с» (9676), северозападный берег Хижозера, северный берег реки Салмозерко, Волозеро (8694), разъезд 6-й километр. Обороняя указанную полосу (по фронту - 37,5 километров и в глубину - до 8-ми километров), дивизия обеспечивала Карбозерское направление, Морскую Масельгу и армейские пути сообщения. (2)

В период с 10 мая и до конца 1942 года 1217-й стрелковый полк находился в резерве 367-й дивизии в районе разъезда 6-го километра Медвежьегорского направления, периодически сменяя 1219-й стрелковый полк, обороняя участок Ванжозера, Хижозера. Личный состав занимался боевой подготовкой по программе штаба дивизии по 4 часа в день, отрабатывая одиночную подготовку бойца, подготовку отделения по тактической, огневой, строевой, химической, санитарной, сапёрной подготовкам, а также изучение Устава Красной Армии.

Из воспоминаний А.М. Шерстобитова:

В июле 1942 года заместитель командира дивизии по тылу подполковник Шитов вызвал меня и дал задание: "Вот вам 100 бойцов, одна автомашина, несколько лошадей. Выезжайте в Пудожский район на заготовку сена". Нужно было заготовить столько, чтобы обеспечить на зиму 1942-1943 года 1 500 лошадей.

Наш фронт располагался в чрезвычайно трудных природных условиях (сплошные болота, озера, горы, бездорожье), поэтому было тяжелое положение с фуражом для лошадей. Наше командование решило заготавливать фураж (сено) самим.

Конечно, заготовки производились необычно. Орудий производства не было, литовки, грабли, вилы пришлось собирать на развалинах бывших населенных пунктов. Наконец, всё это достали, и у нас началась работа. Как назло, пошли сплошные дожди, часто бомбили вражеские самолёты. Несмотря на все трудности, задание было выполнено. (53)

Проведено два командно-штабных учения полк — батальон по темам «Усиленный стрелковый полк в обороне и наступлении в лесисто-болотистой местности». (2)

Обороняемая полоса 367-й стрелковой дивизии совершенствовалась в инженерном отношении. На переднем крае были построены дзот, ротные опорные пункты и батальонные узлы сопротивления.

Прочно удерживая занимаемые позиции, дивизия вела активные боевые действия. За один только месяц пребывания в обороне артиллеристами 928-го артполка капитана Репина разрушено 9 дзотов, 10 землянок, 6 блиндажей, уничтожено 7 пулемётов, 2 орудия, 3 наблюдательных пункта, 3 артиллерийских батареи, бронепоезд.

За время пребывания в первом эшелоне дивизии в 1217 стрелковом полку открыли боевой счет мести 312 красноармейцев. В 1221 стрелковом полку этот же счет открыли 559 солдат и офицеров. Лучшими подразделениями были 5-я рота, которая уничтожила 408 белофиннов, 7-я рота - 371 солдат и офицеров противника, 8-я рота - 247.

1219-й стрелковый полк под командованием майора Стрельникова к 19 мая уничтожила 2900 финнов, из них снайперами - 1400, ружейно-пулемётным огнём - 1500. (40)

Большие дела вершили разведчики. Они глубоко проникали в расположение врага, добывали нужные сведения для организации боя.

До войны Шишкин работал на станции Шадринск рабочим пути. С первых же дней в дивизии о нём заговорили, как о смелом, бесстрашном и отважном разведчике. Старшина Шишкин неоднократно возглавлял группу захвата в разведке, редко возвращался без «языка» или документов.

Это было зимой 1943 года. Небольшая группа разведчиков отправилась за «языком». Впереди двигался старшина, орудая шу-

пом и обезвреживая мины противника. Шишкин так ловко и искусно провёл за собою разведчиков, что они зашли в тыл к вражескому часовому. Бросился на фашиста, тот яростно сопротивлялся, оборонялся ножом, искусал руки старшины, когда тот зажимал рот часовому. Подоспевшие на помощь разведчики связали «языка». Шишкин уже действовал в траншее, он в упор расстрелял наседавших на него врагов. Захватив пулемёт противника, вернулся, чтобы «транспортировать» фрица. При отходе Шишкина ранило. Несмотря на это, он продолжал отстреливаться и руководить действиями своих разведчиков. Более 30 раз участвовал старшина Шишкин в вылазках на передний край. (41)

За период с 20 июня 1942 года по 19 мая 1943 года дивизией было уничтожено 6 636 вражеских солдат и офицеров, в том числе снайперами - 4 241, ружейно-пулемётным огнём - 2 395 человек. (2) С сентября 1942 г. дивизией командовал полковник Чернуха, начальник штаба дивизии - полковник Попов, начальник политотдела дивизии — подполковник Кисленко, заместитель командира дивизии - подполковник Шитов.

В соответствии с боевым приказом командующего 32-й армии за № 609 оп от 15 мая 1943 г. части 367-й стрелковой дивизии сдали участок обороны подразделениям 289-й стрелковой дивизии, 80 СБР, 313-й стрелковой дивизии и приняли с 15-22 мая 1943 года новую полосу обороны на рубеже: Бараки, северо-восточный берег Сегозера, станция Масельская, озеро Коммунар. Находились в указанной полосе обороны до 20 мая 1944 года, имея в первом эшелоне 1221-й и 1219-й стрелковые полки и лыжный батальон, во втором эшелоне - 1217-й стрелковый полк и спецподразделения. (1)

Обороняя крупный узел шоссейных и железнодорожных дорог - Масельскую, находясь в активной обороне, части дивизии отражали наступательные действия противника, разрушали инженерные сооружения, уничтожали живую силу и технику противника.

Лето 1943 года. Белофинны не отказались от мысли взять станцию Масельскую, которая связывала северную часть Карельского фронта с Южной.

9 июня пехотный батальон финнов при поддержке артиллерийского и миномётного огня, который длился полтора часа, под прикрытием дымовой завесы на участке озеро Лисье - озеро Коммунар перешёл в наступление на станцию Масельскую. Бойцы 1217-го стрелкового полка встретили вражескую пехоту ружейно-пулемётным огнём, затем перешли в контратаку. Бой продолжался 18 часов. Финны были отброшены.

10 июня финны и немцы вновь перешли в наступление. Вражеские снаряды и мины рвались на позициях 367 стрелковой дивизии. Наши артиллеристы и миномётчики ответили огнём из своих орудий, уничтожив миномётную батарею, два орудия маннергеймовцев. В результате

боя, потеряв до 200 убитыми и ранеными, белофинны отошли на исходные позиции. Станция Масельская не была взята. (42)

Хорошо помнит этот бой шадринец, командир отделения автоматчиков, сержант Моисей Еремеевич Плотников, участник боев за 14-й, 17-й разьезды, за Никель:

«Мы стояли в обороне на станции Масельская. 10 июня 1943 года середь бела дня немец обстрелял нас артиллерийским огнём - термитными снарядами. От огня горело буквально всё: строения и даже брустверы у траншей. Мы вели оборону в противогазах. После артиллерийского огня немец пошел в атаку. На левом фланге нашего первого батальона им удалось ворваться в наши траншеи, но в рукопашном бою часть из них были уничтожены, а другие отступили». (43)

Разведчики полка совершали смелые налеты на вражеские позиции, проделывая проходы сквозь рогатки, минные поля, проволочную сеть высотой 60 см, сигнальную проволоку.

30 июня 1943 года рота под командованием капитана Елина вела разведку боем с задачей разгромить опорный пункт в районе станции Масельская. Здесь красноармеец Александр Фанягин совершил выдающийся подвиг.

Фанягин входил в состав взвода пешей разведки под командованием лейтенанта Козлова. Разведчики, готовые к бою, находились в траншее на переднем крае. Как только раздались залпы наших артиллерийских батарей, они устремились к опорному пункту гитлеровцев, пересекли несколько узких окопов и выскочили на открытую поляну. Здесь по ним хлестнула длинная пулемётная очередь, заставившая всех залечь. Станковый пулемёт, укрытый в дзоте, не переставая, вёл огонь.

Не минуты, а секунды решали исход боя. Раньше всех это понял Саша Фанягин. Он пополз к дзоту, плотно прижимаясь к земле. Затем, собравшись в комок, застыл неподвижно, разогнулся, в одно мгновение встал на колени, выпустил по амбразуре дзота длинную автоматическую очередь. Тупое рыло пулемёта, поливая огнём, повернулось в его сторону. Фанягин качнулся, схватившись рукой за живот, и повалился на траву. Затем опять пополз, оставляя за собой кровавый след. А когда до дзота оставалось совсем немного, поднялся во весь рост, расправил плечи и грозный, неустрашимый шагнул навстречу багровым вспышкам огня. Броском, раскинув руки, привалился к амбразуре, повторив подвиг Александра Матросова. Пулемёт замолк.

Его подвиг решил успех операции. Была нарушена огневая система вражеского опорного пункта. Бойцы ворвались в глубины фашистской обороны и уничтожили 25 маннергеймовцев, взорвали 3 дзота, 2 землянки, несколько блиндажей и траншей. А всего в этом бою было уничтожено 100 белофиннов. (44)

После боя разведчики на руках вынесли героя в расположение своего подразделения и похоронили с воинскими почестями в лесу, среди молодых сосен. Александру Фанягину было тогда 22 года. Родом он из города Коломны Московской области. Работал на патефонном заводе. Посмертно награжден орденом Красного Знамени. В 1959 году останки отважного разведчика перезахоронены в братской могиле в центре города Медвежье горска.

Иван Андреевич Поникаров - родом из села Могильное Шадринского района. С первых дней формирования дивизии он был зачислен в 1217 стрелковый полк и назначен помощником командира взвода транспортной роты. Под огнем противника доставлял боеприпасы, рогатки для укрепления переднего края, материалы для строительства домов и других укреплений. Но всё время обращался с просьбой к командиру полка зачислить его разведчиком. Наконец, начальник политотдела Кисленко откомандировал Ивана Андреевича в разведвзвод полка. Старший сержант разведчик Поникаров не раз выходил в разведку, изучая передний край противника, его огневые точки, совершал вылазки по захвату «языка». За находчивость, смелость и отвагу ему были объявлены благодарности командования.

16 июня 1943 г. разведчики при поддержке второго батальона сделали вылазку в окопы противника за «языком», но были обнаружены. Противник открыл яростный огонь. Разведчики погибли. Посмертно Иван Андреевич Поникаров был награжден орденом Красной Звезды. (45)

За время боев с 9 мая 1943 года по 1 июля 1943 года потери личного состава 367-й стрелковой дивизии составили: убитыми и умершими на этапах эвакуации - 530, ранеными - 931, пропавшими без вести - 30, по разным причинам - 68, заболевшими с эвакуацией в госпиталь - 2 617. Всего - 4 176 человек. (2)

За период с 22 мая 1943 года по 19 февраля 1944 года дивизия уничтожила 2 809 маннергеймовцев.

По состоянию на 1 сентября 1943 года 367 стрелковая дивизия имела награжденных (2):

	Красн. Зн	Красн. Зв.	Отеч. войны 2 ст.	За отвагу	Забоев, засл.
Управл.	2	11	1	—	27
1217	6	36	-	62	63
1219	6	35	1	59	49
1221	-	44	-	55	68
928	2	14	-	35	48
450	-	1	-	.	12
427 развед.		4	-	11	1

Глава 4. Кестеньгское и Ухтинское направления

С 21 по 24 февраля 1944 года 367-я стрелковая дивизия, сдав полосу обороны частям 176-й стрелковой дивизии, передислоцировалась по железной дороге и, совершая марш своим ходом в район 34-го километра железной дороги Лоухи - Кестеньга, вошла в состав 31-го стрелкового корпуса 26-й армии Кестеньгского и Ухтинского направления (по приказу военного совета 32-й армии). Командующий 26-й армией - генерал-лейтенант Л.С. Сквирский.

Большое внимание уделялось подготовке частей и подразделений к действиям в наступательном бою: передвижение войск по бездорожью по болотисто-лесистой местности, осуществление прорыва сильно укрепленного района противника, преодоление водных преград и др.

Дивизия поставленную задачу по подготовке войск к предстоящим боям по освобождению Карелии выполнила отлично. Был уже опыт походов и боев.

С 15 по 17 июля 1944 года дивизия в составе 1217-го стрелкового полка (командир - майор Михайлин), 1219-го стрелкового полка (командир - подполковник Ситников), 1221-го стрелкового полка (командир - гвардии полковник Незамаев), 928-го артполка (командир - подполковник Передельский) передислоцировалась в район озера Глубокое, озеро Яловое, озеро Наньярви, где продолжала совершенствовать боевую выучку частей и подразделений.

1221-й стрелковый полк 21 июля 1944 года был отправлен на Ребольское направление для подкрепления воюющих частей на этом участке.

1217-й и 1219-й стрелковые полки часто подвергались артиллерийскому обстрелу противника, поэтому несли потери.

В одном из воспоминаний П.Е. Лебакина мы читаем:

«1219 стрелковый полк и лыжный батальон 83-й дивизии вступили в бой на правом фланге обороны 26-й армии по уничтожению отборного норвежского батальона, где имелось активных штыков головорезов более 1000 человек. С поставленной задачей справились».

Летом 1944 года поражение финской армии на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутривосточное положение Финляндии. 25 августа 1944 года Финляндия обратилась с просьбой к Советскому правительству о перемирии между СССР и Финляндией. (1)

5 сентября 1944 года военные действия между советскими и финскими войсками прекратились. В связи с этим командующий Карельским фронтом принял решение о перегруппировке сил 26-й армии.

Дивизия должна была, совершив комбинированный марш по шоссе Кемь - Ухта, пройти в течение 3-х дней 184 километра, имея задачу с обнаружением отхода противника на Ухтинское направление начать преследование в направлении с. Войница, Корпийрви, Лонка, Арола, Юнтус-Ранта, в затяжные бои не втягиваться, глубоких обходов не совершать, сохранять живую силу и технику. (2)

В ночь на 11 сентября 1944 года дивизия начала движение. Впереди шёл разведывательный отряд 118 стрелкового полка, который прибыл взамен убывшего 1221-го стрелкового полка. С целью задержания продвижения наших войск немцы широко применяли различного рода мины, устраивали разные заграждения, засады. Но ничто не могло помешать дивизии гнать врага на запад.

Через годы вспоминает об этом времени старшина Феодосии Михайлович Смирнов:

«На Ухтинском направлении пехота 1219-го стрелкового полка вышла на открытую местность, которая была пристреляна противником, а на высоте было два дзота, из которых противник вел прицельный огонь. Нашей пехоте пришлось залечь. Продвижение было приостановлено. Наша батарея 76-миллиметровых пушек находилась в укрытии, в карьере. К нам на батарею прибыли начальник артиллерии 1219-го стрелкового полка подполковник Евдокимов и командир 928-го артполка Передельский, которые поставили задачу уничтожить дзоты прямой наводкой. Я был командиром первого орудия, наводчиком - Михаил Степанов из Челябинска. Командир батареи капитан Бурянов дал нам приказ уничтожить дзоты. Выкатив орудия на прямую наводку, мы уничтожили дзоты, тем самым обеспечили продвижение нашей пехоте». (46)

13 сентября 1944 года 1219-й стрелковый полк овладел Корпийрви и стремительно продвигался к реке Войница, через которую был переброшен мост. Видно было, как фашисты его минировали. Под прикрытием огня товарищей ефрейтор Дублукий обезвредил мост, перерубив провод, идущий к фугасам.

Опять мост, но уже взорванный. По пояс в осенней холодной воде под артиллерийским огнём противника бойцы восстановили его. Первый батальон 1219 стрелкового полка продвигается к границе.

16 сентября 1944 года к 11.30 третий батальон 1219 стрелкового полка достиг населенного пункта Лонка, который противник оборонял усиленной ротой. Первыми же снарядами наших орудий была подавлена фашистская батарея. (47)

Из воспоминаний А.А. Таланкина:

«Николай Иванович Умнов до войны работал директором средней школы в г. Карабаш Челябинской области. В августе 1941 года он был зачислен в 1219 стрелковый полк и назначен командиром роты полка, в

1942 году капитан Умнов назначен на должность помощника начальника штаба полка по оперативной части. В конце 1943 года награжден орденом Красной Звезды. В январе 1944 года майор Умнов переведен в 1217-й стрелковый полк начальником штаба. При преследовании отступающих войск противника по дороге Ухта — Войница Николай Иванович руководил боевыми подразделениями полка, где и погиб 22 сентября 1944 года (подорвался на mine)». (48)

Преследуя отходящего противника, 367-я стрелковая дивизия прошла с боями 96 километров, первой вышла к государственной границе с Финляндией, углубилась на территорию последней до 30 км, овладев населенными пунктами: Лонка, Юссила, Юнтусранта, Сало, Линна, Питкя. Это произошло 17 сентября 1944 года. В 13.00 командир дивизии полковник Алексей Федорович Красавченко отдал приказ перейти пограничную линию и выполнить дальнейшую задачу. 1219 стрелковый полк перешел государственную границу между 81 и 91 пограничными столбами.

С 19 по 26 сентября дивизия совершила марш протяженностью до 300 километров по маршруту Юнтусранта — Войница - Корпиярви -Кестеньга и сосредоточилась в районе 34-го километра железной дороги Кестеньга - Лоухи. (2)

Еще из воспоминаний П.Е. Лебакина:

«На финской территории на реке Юнтас-Ранта наступательные бои наших войск приостанавливаются. Наша дивизия 15 сентября 1944 года снимается с переднего края и в походном порядке через Кестеньгу выходит на разъезд 34-го километра Кировской железной дороги по ветке, идущей от с. Лоухи, где личному составу предоставляется 3-4 дня отдыха. После этого 25 сентября дивизия по железной дороге перебрасывается в Мурманском направлении, т.е. в Заполярье, в составе 14-й армии».

В боях на Ухтинском направлении 1219 стрелковый полк успешно вёл бои. Успех обеспечивали воины 928-го арtpолка. Отличились солдаты сапёрного отделения батальона дивизии: ими было снято 4 890 мин, из них противотанковых - 2 220, противопехотных - 2 670.

За период боев по преследованию противника награждено 46 и представлено к награде 173 солдата, сержанта и офицера.

В период с 1 по 4 октября 1944 года дивизия была передислоцирована по Кировской железной дороге в район Кола Мурманской области.

Глава 5. Петсамо-Киркенесские наступательные операции

Немецкое командование решило удержать Северную Норвегию и район Печенги и организовало здесь прочную оборону. Численность противника составляла здесь 20 тысяч человек. Трудно было нашим воинам. Местность была очень холмистая, горные плато с многочисленными вершинами и 45-градусными обрывами, болота, быстро текущие реки с размытыми берегами. Это затрудняло продвижение артиллерии, танков, транспорта.

7 октября 1944 года началась наступательная Петсамо-Киркенесская операция.

367 стрелковая дивизия перешла в решительное наступление за освобождение Крайнего Севера. На Мурманском направлении немцы сосредоточили 15 пехотных дивизий. Они имели мощный оборонительный «Лапландский вал», который строили в течение трех лет. Господствующие высоты были настоящими горными крепостями. Минные поля, проволочные заграждения перекрывали горные перевалы, лощины, подступы к укреплениям. В Печенге, Киркенесе, Линахамари противник имел мощные укрепления с сильной береговой и зенитной артиллерией.

Решительным ударом 14-я армия, среди которой первой шла 367-я стрелковая дивизия, прорвала вражескую оборону. Наступать приходилось в невероятно тяжёлых условиях осени. Солдаты и командиры шли по колено в холодной воде, на руках переносили боевую технику, шли через незамерзшие топи болот и озер. Но все трудности преодолели, ибо велика была воля к победе.

8 районе Печенги советские войска окружили немцев. Гитлеровское командование бросило из Северной Норвегии свои резервы. Но и они были уничтожены. Противник потерял 18 тысяч солдат и офицеров убитыми, 713 пленными, много боевой техники.

В течение 9 дней был выполнен первый этап операции - прорыв обороны противника и овладение Луостари и Печенгой. Продвинувшись на запад на глубину от 35 до 60 километров, наши войска форсировали реки Западная Лица, Титовка, Печенга, освободили 15 населенных пунктов.

После такой успешной операции советских войск немецкое командование организовало прочную оборону района Никель и морской крепости Киркенес.

Второй этап операции проходил на труднодоступной местности: горное плато, устланное щебнем, с многочисленными вершинами до нескольких метров. Труднопроходимые болота, быстротекущие реки и

речушки. Передвижению войск мешали высоты 466,3, 441,3, 402,5, которые возвышались на 150-250 метров, имели крутые подъемы. Такая местность затрудняла маневр артиллерии и танков. Все участки местности, удобные для объездов, были густо заминированы. Трудности были с доставкой боеприпасов, горючего и продовольствия.

В этой операции 367-я стрелковая дивизия была подчинена командиру 31 -го стрелкового корпуса. Дивизией командовал полковник А.А. Старцев.

С 5 октября 1944 года дивизия совершила марш со станции Кола в район 20 километров восточнее города Никель, куда она прибыла 17 октября.

18 октября 1944 года в полосе наступления выступал только 1217-й стрелковый полк (командир полка Михайлин). 928-й артполк поддерживал огнём. Один батальон 1217-го стрелкового полка начал обход оборонительных позиций противника на рубеже озера Пильгу-Ярви, высота 348,5. Другой батальон наступал вдоль дороги Луостари - Никель. За день боя 1217-й стрелковый полк продвинулся вперед на 6-7 километров и вышел на высоты 349,8 и 466,3, которые были отлично укреплены и встретили наших бойцов сильным огнём. Пришлось ждать артиллерию

С утра 19 октября 1944 года 1217-й стрелковый полк при поддержке роты танков 89-го отдельного танкового полка в течение трёх часов вёл бой на этих высотах. Лишь в 12.00 он овладел этими высотами и к 18.00 подошел к высоте 441,4, где опять был остановлен сильным огнём противника. Крепкий орешек была эта высота: 8 бутобетонных убежищ, 15 бутобетонных пулемётных площадок, 1 200 метров траншей, 2 220 м проволочных заграждений типа «забор» и 7 отдельных миномётных окопов. Вокруг - минные поля и непроходимая озерно-болотистая местность. (49)

19 октября высоту взять не удалось, 20 октября - тоже, несмотря на то, что помогала артиллерия.

В 18.00 3-й батальон 1221 стрелкового полка начал атаку 441,4 высоты. К исходу 21 октября 1944 года высота была взята.

Бои за эти высоты на всю жизнь запомнились бойцам. Рассказывает Анастас Андреевич Таланкин:

«Высота 441,4 к ведению боевых действий фашистами была основательно подготовлена: на ней было установлено две батареи миномётов и три орудия, приготовлено столько снарядов и мин, что этого запаса (по шкучению командования) хватило бы на месяц. Для них было построено хранилище, что обезопасило от взрывов.

Командир взвода 3-й пулемётной роты 1217-го стрелкового полка лейтенант Иван Лукьянович Травкин со своими пулемётчиками вёл длительный бой с пулемётами фашистов. Немцы обрушили на них

миномётный огонь. Несмотря на ранение в обе руки, лейтенант Травкин свыше трех часов продолжал бой, пока осколок вражеской мины не оборвал его жизнь. Лейтенант Травкин посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В этом же бою погиб и командир 3-го батальона 1217-го стрелкового полка Григорий Федорович Присяжнюк. Оба они похоронены в п. Никель». (50)

Еще один рассказ А.А. Таланкина о солдате 1217 с. полка: «Солдат Федор Вахонин всегда первый поднимался в атаку. 20 октября 1944 года батальон действовал в тылу у немцев. Вахонин прикрывал своим пулемётом отход роты. Немцы обошли отважного пулемётчика, окружили его кольцом и предложили ему сдаться в плен. Но в ответ прозвучала автоматная очередь. Когда вышли все патроны, Вахонин подпустил врагов к себе и взорвал под собой гранату». (50)

Сатканец лейтенант А.Крапивин вспоминает о своем друге:

«Стоял мой взвод в боевом охранении с пулемётным взводом, которым командовал лейтенант Иван Глинин. Мы с ним познакомились и подружились. Вместе лазили по окопам, наблюдали за немцами. Чуть пошевелиятся кусты вблизи - Иван открывал огонь своими пулемётами, вдали какое-нибудь движение, дымок появится - тут же для моих миномётов работа. Месяца полтора мы так жили вместе, в общем- то ничего не зная друг о друге. Тогда-то и случилась история, о которой я до сих пор не могу вспоминать без волнения.

Организовали мы как-то полевую баню. Палатка брезентовая, котёл с горячей водой, полуметровый слой льда под ногами. Но мы мылись в ней с наслаждением.

Сидел я в землянке. Заходит мой ординарец и говорит: "Товарищ лейтенант, сейчас наши ребята из первого расчета в бане с пулемётчиками мылись, разговорились, и нечаянно вашего земляка нашли". Оказалось, это Глинин. Сколько радости было! Разве это не чудо - в такой дали встретиться с человеком, с которым почти в соседях жил.

Вот с этого дня началась наша дружба боевая. Когда тихо - друг к другу в гости ходим, рассказываем, что из дому пишут, жизнь мирную вспоминаем. Ну, а бой начнется, тоже в обиду друг друга не даем. А ведь и воевать легче, когда чувствуешь рядом надежное плечо товарища.

Очищали от немцев Советское Заполярье. Брали мы небольшую высоту. Немцы там успели укрепиться. Отбили первую атаку. Отошла пехота на исходные позиции, а на высоту обрушился огонь артиллерии, мои миномёты бьют беглым огнём. Иван расчищает своими пулемётами дорогу пехоте. Взяли всё-таки высоту. Пехота ушла вперед, мне тоже пришел приказ сменить огневые позиции. Разобрали мы миномёты, пошли вперед. Навстречу попадались раненые бойцы.

- Товарищ лейтенант, - окликнул меня один из них. - Глинин у нас погиб, - медленно проговорил он и опустил голову.

Я бросился на позиции пулемётчиков.

Ивана я увидел сразу. Он лежал за станковым пулемётом, опустив голову на замок, сжимая одной рукой рукоятку. Рядом стонал тяжелораненый пулемётчик. Пока я перевязывал его, он часто и непрерывно дыша, говорил:

- Ещё в начале боя он был тяжело ранен в плечо, но остался в строю, руководил огнём с КП. Как наши пошли в атаку второй раз, накрыло наш расчёт разрывом мины. Я потерял сознание. Очнулся, слышу, бьёт мой пулемёт длинными очередями. Это Глинин одной рукой ведёт огонь. А когда наши уже почти подошли к немецким окопам, ударила в прорезь пулемётного щитка шальная пуля. А может, снайпер стрелял...

Похоронили мы Ивана в одной могиле с погибшим комсоргом полка на 96-м километре от города Кеми в сторону финляндской границы.

Отгремела война, вернулся домой. Не раз встречал жену Ивана. Но так и не смог ей сказать, подтвердить, что Иван погиб. Ждала она его долго, на что-то надеялась, и не смог я лишить ее этой последней надежды». (23)

С 20 октября 1944 года начались бои за Никель. Тундра здесь похожа на гигантские волны внезапно окаменевшего моря. Метров на 500 вверх высится каменная гряда. За ней внизу - болото или озеро. За болотом снова вырастает каменный хребет, за ним опять болото. Так до самой Норвегии.

И вот по этой тундре в свой поистине Суворовский марш пошла наша пехота - воины части Старцева, отвоевывая с боем каждую гряду. Батальон майора Гастенина, известного по своим лыжным рейдам, сошел с дороги и двинулся по болотистой низине, между гор, к Никелю в обход обороны немцев с севера.

Они первыми ворвались в поселок. Немцы навели через озеро Куэтс-Явр понтонную переправу, по которой стали уходить из поселка. Но налетевшие двенадцать «Яковлевых» уничтожили её.

Всю длинную осеннюю ночь шли бои на территории завода, рудников и поселка. Немцы взрывали здания поселка авиабомбами. Горел обогатительный завод, горели школа, жилые дома, соседние хутора, села. (51)

20 октября 1-й батальон 1217-го стрелкового полка с боем подошёл к северной окраине г. Никель. Здесь он подвергся сильному артиллерийскому и миномётному обстрелу и контратакой двух пехотных батальонов был отброшен. Соединившись с 3-м батальоном 1219 стрелкового полка, возобновил наступление. Гитлеровцам пришлось бросить в бой 137-й пехотный полк. Начал наступление на Никель и 1221-й стрелковый полк.

В ночь на 22 октября 1944 года части 367-й стрелковой дивизии продолжали наступление и к 5 часам полностью выбили противника из поселка.

Сержант 1217-го стрелкового полка Наталья Васильевна Новикова была санинструктором при полковой санчасти. В одном из её воспоминаний мы читаем:

«Очень тяжёлые бои были в Заполярье. Да и природные условия давали о себе знать.

Мы по несколько суток не смыкали глаз. Нас еще и с воздуха бомбили. Только примешь раненых с поля боя, только развернешь палатку более или менее в укрытом месте, и тут же налетают немецкие самолёты, режут с пулемётов и снаряды бросают. Вот под таким огнём нам надо было спасать раненых. О себе думать было некогда. Очень трудно было на войне, а женщинам вдвойне тяжелей.

Наша часть освобождала район Никелевого производства Петсамской области. Командир санроты капитан П.Я. Воронов, нач. санчасти капитан Степанов, фельдшер лейтенант И.А. Лесюк, доктор Голубь.

Был такой случай. Когда карточки передового района закончились, нужно было идти заверить на передовую. Наши отбивали сопку и начальник штаба был на самой передовой. Карточки заверить должен только он. Голубь хотел идти сам, он был очень добрый, ему всех было жалко. Но он нужен был в санчасти. Тогда я изъявила желание, если погибну, плакать будет некому, родителей не было. Вместе с солдатом мы пошли рано утром. В Заполярье дорог мало, и нам с КП дали провод связи дойти до наблюдательного пункта. До начштаба мы шли под постоянным обстрелом, было очень трудно добираться, но необходимо, ибо без карты передового района раненых эвакуировать не имели права, этот документ был необходим.

Когда мы добрались до сопки, начштаба был очень удивлен, как мы смогли дойти. Ещё больше удивились в санчасти, когда мы ночью пришли туда. Нас уже считали погибшими. Моя подружка встретила меня со слезами, она не дотронулась ни до обеда, ни до ужина, всё оплакивала меня.

Рядом с моей землянкой жили разведчики. Когда они шли на задание, то всегда стучали мне в окно. Из них мне запомнился Саша Фанягин. В июне или июле они пошли за «языком». И Саша прикрыл своим телом вражескую амбразуру. Откуда этот Саша, не знаю, может, ещё ждут его родные». (52)

Шадринец Владимир Руфович Развин, начальник артиллерийского снабжения дивизии и челядинец Хаджи Нуриахметович Кадарметов из артснабжения 1219-го стрелкового полка - участники боев за Никель, Петсамо и Киркенес, отмечают, что «бои в этих местах были упорные и

кровопролитные. По крутым каменистым склонам, обилию камней было невозможно передвигать орудие силами расчета. В помощь давали стрелков». Они дали высокую оценку действиям 928-го артполка под командованием подполковника Георгия Ефимовича Передельского. (22)

После освобождения Никеля 367-я стрелковая дивизия согласно приказу командира 31-го стрелкового корпуса 23 октября 1944 года была выведена во второй эшелон корпуса.

24 октября с выходом на 175 - 178 км дороги Петсамо, Рованиemi дивизия получила задачу подготовить 2-й оборонительный рубеж по линии озеро Корпикурс-Ярви, озеро Косут-Ярви, озеро Сарте-Ярви. Задача была выполнена 1 декабря 1944 года. Дивизия перешла в оборону.

14 ноября 1944 года все воины 367-й стрелковой дивизии читали указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками, за освобождение районов Никель, Ахмалахти, Сальмиярви и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени 367-ю стрелковую дивизию. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин М.И.». (1)

Москва трижды торжественным салютом отмечала победы воинов 367-й стрелковой дивизии:

- 23 октября 1944 года за освобождение от немецко-фашистских захватчиков района Никелевого производства и занятие важных населенных пунктов Печенгской области: Никель, Ахмалахти, Сальмиярви.

- 25 октября 1944 года за овладение в трудных условиях Заполярья юродом Киркенес - важным портом на Баренцевом море.

- 1 ноября 1944 года за завершение полного освобождения Печенгской области от немецких захватчиков.

За отличное выполнение боевых заданий, за беспримерный героизм 7219 человек награждены правительственными наградами; в том числе орденами Ленина - 22, Красного Знамени - 249, Суворова 2-й степени - 3, Суворова 3-й степени - 3. (1)

20 января 1945 года дивизия выходит с финской территории и дислоцируется в районе Никель - Ахмалахти - Сальмиярви - Наудси Петсамской области, где с личным составом проводится боевая и политическая подготовка.

Глава 6.

450-й отдельный медико-санитарный батальон

450-й отдельный медико-санитарный батальон (далее - ОМСБ, МСБ или медсанбат) формировался в городе Шадринске одновременно с 367-й стрелковой дивизией как её основное медицинское учреждение.

23 августа 1941 года главный хирург ОМСБ Анатолий Григорьевич Зебрин, хирурги Мария Николаевна Зебрина, Михаил Абрамович Сиротин и командир ОМСБ Лев Гольдис получили назначение во вновь формируемую 367-ю стрелковую дивизию. Кроме них никого из медперсонала не было. Для медсанбата было выделено два здания по улице Свердлова, 51 (рядом со школой № 4). В первом здании - двухэтажном с террасой - жили, во втором располагалась кухня. Во дворе стояли амбары и сколоченные столы, за которыми обедали.

Вслед за врачами прибыли фармацевт Зоя Петровна Ивченко (урожденная Рыжкова, 1921 года рождения, из Чебаркуля Челябинской области) и медсестра Екатерина Мелле. На их долю выпала обязанность привести здание в надлежащий вид.

Затем медсанбат стал пополняться личным составом - вначале командно-начальствующим, а к 1 сентября - рядовым. Автотранспорт должны были получить лишь на пути к фронту, в наличии был конно-санитарный транспорт (в МСБ числилось 104 лошади).

В первые дни формирования личному составу медсанбата пришлось много заниматься подготовкой помещений для жилья, служебных мест, улучшением бытовых условий и оборудованием помещений для содержания лошадей. В этом деле хорошо проявили себя зубной врач Иван Степанович Смирнов, санитары Беляев, Кузнецов, Придатко.

С 1 сентября начались планомерные и усиленные занятия по политической, боевой и специальной подготовке. Личный состав серьезно относился к учебе. Это отмечали все, кто руководил занятиями: по спецподготовке - старший хирург Зебрин, по боевой подготовке - начальник штаба Жаравин, по политподготовке - политрук Аминев.

Девушкам выдали обмундирование: большие по размерам шинели, брюки-галифе, сапоги. Нелегко было им познавать азы армейской жизни, привыкать к воинской дисциплине. Наряду с мужчинами приходилось учиться рыть траншеи, ползать по-пластунски, заниматься строевой подготовкой, стрелять на стрельбище, подниматься по тревоге. Занимался с ними Илья Ильич Ивченко.

20 октября 1941 года произошла реорганизация МСБ со значительным сокращением штатов. Из 300 человек личного состава осталось 127.

Медсанбат отбыл на фронт. С Шадринского вокзала эшелон провожали под духовой оркестр, который исполнял марш «Прощание славянки».

В медсанбат попали вместе две подружки - Надя Кунгина (Шестакова Надежда Вениаминовна, 1921 года рождения) и Руфа Горшкова (Теплова Руфина Ивановна, 1921 г. рождения). Обе из- Шадринска, вместе учились в Курганской медицинской школе, успели немного поработать медиками в Шадринском районе.

Другие подружки - Аня Потапова (Иванова Анна Петровна, 1918 года рождения, окончила Шадринскую школу медсестер) и Лида Овсянникова (Иванова Лидия Григорьевна, 1920 года рождения, окончила медицинскую школу в Каменске-Уральском) прибыли в медсанбат из Каменска-Уральского и всю войну до Победы 1945 года служили в медсанбате вместе.

Поезд шел на запад. Представления о войне не было. Беззаботно велись разговоры, раздавался смех, песни. Вдруг навстречу - эшелон с ранеными. Когда девчонки впервые увидели умерших солдат, у них был шок. Вот где почувствовалось война, ужас, горе, слезы. Зоя Малясова прижалась к Наде Кунгиной и шепчет: «Я боюсь...»

18 ноября 1941 года - остановка в городе Буй Ярославской области. Снова усиленная тренировка: развертывание палаток полкового медицинского пункта (ПМП) и дивизионного медицинского пункта (ДМП) - важнейших элементов системы эшелонированного лечения и центров оказания квалифицированной медицинской помощи раненым и больным. Срок развертывания ДМП в палатках не должен превышать 1,5-2 часов при готовности начать работу через 30 минут по прибытии медсанбата на новую санитарную площадку.

4 декабря 1941 года начался 115-километровый переход 367-й дивизии походным маршем в Кострому. Шли ночами, а днем отдыхали по квартирам.

Руфа Горшкова вспоминает: «Очень хотелось спать. Шли, держась за интенданта по снабжению, а тот все ложки считал, чтобы не уснуть». Стоял сильный мороз. Личный состав дивизии был в летне-осенней одежде (шинели, сапоги, ботинки). Появились обмороженные. Позади 1217 полка ехало шесть санитарных двуколок, которые подбирали отстававших и обмороженных. Человек 25 были сданы в районную больницу п. Сусанине Костромской области, мимо которого проходила дивизия.

10 декабря 1941 года дивизия отбыла на Карельский фронт. На станции Романцы (16-й разъезд) медсанбат получил первое боевое

крещение. На эшелон налетели три «мессершмитта» и на бреющем полете обстреляли поезд. Люди выбрасывались из вагонов, ища спасения в кустах, в болоте, всюду, где можно укрыться. Слышались стоны, плач, крики о помощи. Появились советские самолеты, завязался воздушный бой. Девушки, впервые увидев такое, стояли и смотрели. Из оцепенения их вывел окрик: «Выгружайте медимущество!» Под свист пуль и взрывов началась работа. Было много убитых и раненых. Предварительно оказав им первую помощь, отправили их в госпиталь г. Сегежа (госпитальная база 32-й армии).

Закончив работу с ранеными, занялись развертыванием ОМСБ. Поставили палатки ближе к лесу. Уцелевший от бомбежки дом-пекарню привели в порядок, помыли полы, стены, поставили столы. Здесь сделали операционную. Через несколько часов уже принимали первых раненых соседней дивизии, которая вела бои. Делали операции, переливали кровь, перевязывали. За первые сутки поступило 300 раненых.

Очень трудно приходилось и врачам, и медсестрам, ведь фронтового опыта еще не было. Бывшие мирные фельдшеры должны были стать операционными медсестрами. И свою первую операцию они запомнили на всю жизнь. Рассказывает Надя Кунгина:

«Первый раненый - в череп. Операцию делал главный хирург Анатолий Григорьевич Зебрин, ассистент - хирург Мария Николаевна Зебрина, а я - операционная медсестра. Инструменты подавала первый раз в жизни. Волнуюсь, под маской - слезы, какие инструменты подавать - не знаю, ведь я фельдшер. Очень старалась. Видя моё волнение, Анна Петровна Исакова, медсестра, вызвалась мне помочь. После операции Анатолий Григорьевич остался доволен моей работой и сказал: «Хорошая из вас будет медсестра».

Да, Надежда Вениаминовна Кунгина будет старшей хирургической медсестрой ОМСБ, она одной из первых будет награждена медалью «За боевые заслуги».

Любопытная деталь: во время операции на печке пекарни лежали ответственный редактор армейской газеты В.А.Степанов и журналист. Они сверху наблюдали за операцией, а затем опубликовали в газете материалы о работе хирургов 450-го отдельного медико-санитарного батальона.

Так, в красноармейской газете «За Родину» от 8 марта 1943 г. появилась статья журналиста Бориса Иванова о хирурге медсанбата Марии Николаевне Зебриной:

«Над усталым, измученным лицом раненого склонилось два врача. Голос мужчины звучит тихо, приглушенно из-за марлевой повязки, прикрывающий рот.»

- Тампон!
- Шприц!
- Иглу!
- Ножницы!

Ему помогает молодая женщина Марии Николаевна Зебрина. Ее движения быстры и точны. Бросая тревожный взгляд на потухающие глаза оперируемого человека, она сильными, ловкими пальцами сжимает пинцет, которым отводит от скальпеля омертвевшую ткань. Лицо женщины сосредоточенно. Легкая складка легла между ровными, красиво очерченными бровями. Она напрягает зрение, стараясь обнаружить все тоненькие нити нервов и сосудов, оборванные осколком стали.

Жизнь бойца в большой опасности. Рана уходит глубоко в живот, повреждена часть кишечника. Жизнь может оборваться с минуты на минуту, если вовремя не будут связаны вот эти розовые ниточки.

Одержана первая победа. Бойцу, его фамилия Сидоров, возвращено сознание. Теперь он еле шевелит бескровными губами «Я буду жить?» - «Конечно, конечно, вы будете жить», — ответила ему женщина. Она уверена, что поможет отвоевать бойца от смерти. Он должен жить во что бы то ни стало.

Вот так же, будучи еще девушкой, она лежала на операционном столе, приведённая на него опасной болезнью. Каким близким и родным показался ей оперировавший ее врач. Каким глубоким благодарственным чувством прониклась она тогда к нему...

После операции девушка твердо решила стать врачом, чтобы спасать жизнь людям, возвращать их в строй труда. В этом выразилось её призвание. Днём Мария Николаевна работала на стройкомбинате чертежницей, вечером училась на курсах по подготовке в Воронежский медицинский институт. Институт окончила на отлично.

Началась война. Немецкие танки, лязгая сталью гусениц, лезли к Воронежу. В городе появились первые раненые. Мария Николаевна пришла в военкомат.

- Я врач. Отправьте меня на фронт. Я приложу все свои силы, все свои знания, чтобы помогать бойцам отстаивать нашу родную землю, честь, жизнь и свободу.

Военком пожал руку молодой патриотке.

- Хорошо. Ваше желание будет исполнено.

Сборы были очень коротки. Мать-старушка благословила дочь, помахала с перрона платочком, вытирая скупые слезы.

На фронте началась врачебная деятельность Марии Николаевны. (начала под руководством опытного хирурга, а затем самостоятельно стала она делать операции раненым, приобретая опыт, навыки).

Деятельность Марии Николаевны Зебриной не ограничивается операционной. Занятия с девушками-санитарками, медсестрами по повышению их знаний и оказанию лучшего ухода за ранеными бойцами и командирами ведутся ею систематически. Ей дорог каждый воин, каждая его капля крови, она учит, как надо служить делу победы». Для всего медсостава Мария Николаевна была родной матерью, особенно для молодежи.

Вернемся к воспоминаниям медсестер. Рассказывает Аня Потапова: «Свою первую операцию не могу забыть до сих пор. Доставили подполковника с тяжелым ранением в голову. У операционного стола -хирург Михаил Абрамович Сиротин, ассистент - хирург Раиса Александровна Круглова, операционная сестра - я. Работали ночью, при свечах. Недалеко шел бой, даже мимо пекарни пролетали трассирующие пули».

Кстати, Аня Потапова была самой аккуратной, и вместе с Верой Икрениковой лучше всех накладывали шины.

Штат медсанбата был рассчитан на обслуживание 300 раненых в сутки, а фактически при тяжелых затяжных боях поступало 800-1000 раненых. Обеспечить всех квалифицированной хирургической помощью было очень трудно. Поэтому первые трое суток никто не отдыхал, все были заняты работой.

В декабре 1941 года измученные и уставшие от длительного перехода на лыжах при полном военном снаряжении медики медсанбата прибыли на место назначения в д. Айта-Ламба (Карелия).

Холодная многоснежная зима. Утопая по пояс в снегу, ставили палатки. Медсанбат еще только разворачивался, а передовые части дивизии уже вели бой с противником. Начали поступать первые раненые. Их везли на лошадях, несли на носилках. Легкораненые шли сами.

Рассказывает шофер-санитар медсанбата старший сержант Реутов Петр Константинович (1910 года рождения, из Кургана): «Нашей задачей было - как можно быстрее доставить раненого в госпиталь, успеть спасти его. А дорог не было, всё то болота, то снега. Раненых возили на машинах - «газиках», в них входило четыре человека лежачих, сидячих же - пять-шесть, а когда и больше. Сопровождали обычно медсестра, санитар или фельдшер. Мало было таких дней, чтобы было спокойно, ведь дежурили все время на передовой».

Вспоминает медсестра стационара, лейтенант медслужбы Лида Овсянникова: «Приемно-сортировочный взвод, в котором я служила, размещался в 40-местной палатке, которая быстро заполнялась ранеными, а когда уже мест не было, их несли прямо в операционно-перевязочный взвод на обработку ран или операцию. Никто из врачей никогда не был свободен, но все равно всем помочь не успевали. Некоторые раненые, так

и не дождавшись своей очереди в операционную, умирали. Мы, девчонки, потрясенные этим, оплакивали каждую смерть. А раненых все везли и везли, и, казалось, не будет конца этой страшной стихии».

Медсанбат расположился в двухэтажном здании школы. Внизу располагалась перевязочная, операционная, на 2-м этаже - госпитальное отделение (стационар).

Работы было до изнеможения много, ведь в сутки поступало 300-500 раненых. В разведку не ходили, в рукопашном бою не были, а спали стоя. Частые, по две-три за ночь, бомбежки мешали работе и отдыху. Руфа Маковкина (Костенко Руфина Федоровна, 1922 года рождения, старшая медсестра госпитального взвода, лейтенант медслужбы) в этот период не спала 8 суток. А когда разрешили выспаться, проспала всего 20 минут. Вот такое было нервное напряжение.

В операционно-перевязочном блоке работало в смену четыре хирурга. Перевязочный стол - три метра в длину. Когда не хватало операционных столов, работали прямо на полу, выводили из состояния шока, переливали кровь, готовили к операции. Работа хирурга и операционной сестры должна была быть слаженной, спокойной, быстрой, четкой. От этого зависел исход операции. День за днем осваивали азы хирургии операционные медсестры Анна Потапова, Надежда Кунгина, Вера Икреникова.

Самоотверженный труд военврачей спас немало солдатских жизней. Лейтенант медслужбы Зяма Гильман, работавший в медсанбате фельдшером, а до войны бывший студентом третьего курса медицинского института, писал в красноармейской газете «В бой за Родину» от 25 декабря 1943 г. о главном хирурге медсанбата Анатолии Григорьевиче Зебрине:

«При отражении вражеской атаки был ранен красноармеец Сергеев, На санитарной машине его доставили в медсанбат. Ранение было тяжелое. Осколки мины попали в живот, и больной находился в почти безнадежном состоянии. Но для старшего хирурга Анатолия Григорьевича Зебринина безнадежен только мертвый. Зебринин взялся за операцию и удачно ее закончил. Многим медработникам эта операция казалась каким-то чудом. Они считали, что всякое хирургическое вмешательство в этом случае было бесполезно.

Хирургу Зебрину уже не раз приходилось встречаться с такими ранениями. Желание во что бы то ни стало вернуть в строй воина Красной Армии и накопленный во время войны опыт помогают ему успешно производить самые сложные операции. Однажды в госпиталь был доставлен красноармеец Мишин, у которого хирург Зебринин обнаружил 14 ранений кишечника. Операция не только сохранила

раненому жизнь, но и позволила недавно выписать его из госпиталя в хорошем состоянии.

Число спасенных Зебриным жизнью во время войны исчисляется сотнями. Каждая новая операция обогащает хирурга, совершенствует его мастерство, делает его имя еще более популярным среди бойцов и офицеров. Об этом свидетельствует огромный поток писем, ежедневно получаемых Анатолием Григорьевичем от своих бывших пациентов. За самоотверженную работу правительство наградило хирурга Зебрина орденом Красной Звезды».

Помощницы Зебрина так отзываются о нем: «Строгий был, но никогда не ругал. По его глазам видела, какую иголку подавать» (Н. Кунгина); «Зебрин работал быстро, четко и болел душой за каждого раненого» (Л. Семенова).

К главному хирургу Зебрину поступали раненые со сложными черепно-мозговыми, грудными, брюшными, суставными ранениями. Свой многолетний хирургический опыт он передавал группе молодых врачей медсанбата: Марии Дмитриевне Лахтиковой, Михаилу Абрамовичу Сиротину, Раисе Александровне Кругловой, Иде Романовне Мирмович, Александре Ивановне Купцовой, Нине Иосифовне Давыдович, Зинаиде Ивановне Хохловой, Екатерине Федоровне Храмцовой, Марии Николаевне Зебриной.

Хирургам приходилось оперировать без смены, почти круглые сутки, а точнее - отдыхать один час в сутки. Как вспоминает сам Зебрин: «По молодости лет перегрузки переносил хорошо, с бодрым настроением, но пульс у меня доходил до 40 ударов в минуту».

В целях повышения качества медицинской помощи нашим воинам в медсанбате проводилось обучение молодых врачей диагностике и технике хирургических операций.

Учитывая высокий процент смертности от травматического шока у тяжелораненных, Зебрин широко применил у себя на ДМП всевозможные противошоковые средства (переливание крови, кровезаменяющие жидкости) и, в частности, внедрил в практику противошоковую жидкость академика Штерна, вводимую в верхний шейный отдел спинномозгового канала, в большую цистерну головного мозга (пункция ответственная, требующая большой осторожности, опыта и навыка). Технику введения жидкости академика Штерна Зебрин демонстрировал хирургам армии и фронта.

Анатолий Григорьевич говорил: «Для всего личного состава медсанбата работа не только в боевых условиях, но и вообще лечебная хирургическая работа являлась совершенно новым делом. Ни группа молодых врачей, ни сестры, ни санитары, никто из них не имел практического опыта по обслуживанию раненых. Несмотря на все это,

коллектив быстро сработался, приобрел необходимые практические навыки по обработке и уходу за ранеными».

Наряду с большой практической работой врачи-хирурги и терапевты написали ряд научно-практических работ, направленных на скорейшее выздоровление и возвращение в строй воинов Советской Армии, и выступили с соответствующими докладами на научных армейских и фронтовых конференциях. Вот темы некоторых из них: «Лечение огнестрельных проникающих ранений грудной клетки по данным ОМСБ», «Борьба с шоком по данным ОМСБ», «К вопросу об осложнениях при проникающих ранениях живота на армейском этапе ■эвакуации» и др.

Все тяжелораненые и воины с ранениями средней тяжести после операций госпитализировались на дивизионный медицинский пункт (ДМП). Раненые в состоянии шока являлись нетранспортабельными, на ДМП к ним применялось противошоковое лечение, после чего их оперировали и госпитализировали.

Стационар состоял из двух больших палат, которые вмещали 40 человек. Эти две палаты с тяжелоранеными были закреплены за одной медсестрой. В ее функции входило лечение и уход за ранеными: нужно было делать уколы, внутривенные вливания, переливать кровь, кормить, подавать судно, мочеприемник.

Порой приходилось давать свою кровь раненым, когда не было нужной группы в запасе. Вспоминает Л. Овсянникова: «Так как у меня кровь первой группы, то всегда была на подхвате. 250 граммов крови возьмут, выпьешь чайку, поспишь часок и снова на дежурство».

Учитывая качество ухода за пострадавшими, чуткость и внимание, Лиду Овсянникову через неделю работы в сортировочном взводе перевели в госпитальный взвод. Руфа Маковкина писала о ней в армейской газете «За Родину»:

«Часто, когда приходится вам входить в палату, слышишь вопрос: "Кто дежурит сегодня?" И когда отвечаешь: "Лидия Овсянникова", — лица больных озаряются радостной улыбкой.

Лидя Овсянникова любит свое дело, любит бойцов и командиров, жизнь и здоровье которых ей вверили. Трудолюбивая, всегда ласковая, проявляющая к каждому нежную материнскую заботу, она пользуется большой любовью и уважением со стороны наших бойцов. Во время её дежурства в палате как-то особенно уютно. Мужественная девушка работает много, днем и ночью ее можно видеть на своем посту.

Недавно к нам в госпитальное отделение привезли раненых бойцов. Трое из них были в крайне тяжелом состоянии. Чтобы спасти их жизнь, надо было сделать переливание крови. Но в запасе ее оказалось только на

двоих. Лида, не задумываясь, отдала свою кровь. Жизнь красноармейца Полетаева была спасена».

Сама Лидия Григорьевна вспоминает: «12 часов в госпитальном отделении продежуришь, 3-4 часа поспишь и идешь помогать в перевязочный отдел, в операционную, туда, где больше всего требовалась помощь. Смотришь - опять твое дежурство. И так дни и ночи на ногах».

1 января 1942 года, 23 февраля 1942 г. - передислокации. На лыжах прошли 50 километров, пока добрались до места. Во время такого продвижения на новые передние рубежи встретился разбомбленный артиллерийский полк. Очень много раненых. Нужно было срочно развернуть палатки и принимать их. Усталости как не бывало.

Февральские бои 1942 года в Карелии были очень ожесточенными, кровопролитными, с большими потерями с обеих сторон. Как-то известный в 367-й дивизии разведчик Иван Шишкин доставил языка-финна, так потом оба лежали в одном медсанбате. Многие подрывались на минах, которые финны установили чуть ли не на каждом шагу. Привозили в медсанбат и обмороженных: суровые условия Заполярья - лютая стужа, холодный воздух, постоянно насыщенный влагой, холодная вода болот, ночные заморозки давали о себе знать, - ведь солдатам приходилось спать на земле.

После февральских боев потери были настолько велики, что 24 февраля 1942 года 367-я дивизия, а значит, и 450-й медсанбат выбыли на переформирование в г. Кемь (Коми АССР).

Продолжали заниматься учебой на основе опыта прошлых боевых операций, военно-полевой хирургией, тренировались ходить на лыжах. В часы досуга играли в волейбол, хором пели, плясали, смотрели концерты профессиональных артистов и выступления своей родной самодеятельности, организатором которой был Анатолий Григорьевич Зебрин. Был даже свой хор.

Шли как-то Надя Кунгина (она очень хорошо пела и играла на гитаре) с Аней Потаповой. Дорогой пели «Золотые вы песочки, серебряная река, полюбила я, девчонка, молодого паренька». Услышал их руководитель самодеятельности и попросил выступить перед солдатами. Спели так, что даже «со сцены» не отпускали, трижды вызывали.

Надя очень любила петь «Чилиту», начальник аптеки - «Что стоишь, качаясь...», хор - «Калинку». К медсанбату был прикреплен талантливый гармонист (аккордеонист), который руководил хором. Гармонист был слабослышащий, но фальшь при разучивании песен улавливал очень тонко и точно. С концертом выступали даже на передовой, где «артистов» обстреляли с воздуха.

8 мая 1942 года отбыли на фронт в распоряжение 32-й армии. Дислокация снова у Айта-Ламбы. Здесь медсанбат впервые работал в палатках в условиях леса.

21 июня 1942 года 450-й медсанбат прибыл в район Карбозера, где он пополнился девятью девушками-добровольцами из Коми АССР.

Когда они прибыли в медсанбат, их встретил командир батальона капитан Маляренко, доброй души человек. Увидев девчушек 17-19 лет, он возмутился: «Кого мне прислали!? С кем я должен работать!? Какой-то детский сад!» Спросил Людмилу Семенову (она была небольшого роста): «Сколько тебе лет?... А я бы дал 14».

Прибывших распределили по отделениям. Людмила была определена в госпитальный взвод, Марфида Липнина и Пелагея Вахнина попали в операционно-перевязочное отделение, Александра Попова, Мария Сысоева, Анна Вахнина, Вера Черных - санитарками разных отделений.

450-й медсанбат расположился на болоте, жили в брезентовых палатках, спали на нарах, раненые лежали на деревянных топчанах и на носилках. Дивизия в это время стояла в обороне, поэтому по прибытии девушек в медсанбат раненых было немного. Проводились занятия по медицине, политучеба, комсомольские собрания. Комсоргом, а потом парторгом была энергичная, неунывающая, веселая Неонила Артемьевна Гафлюк (1920 года рождения). Девушки так о ней отзывались: «Если у тебя плохое настроение, будет петь, плясать перед тобой, чтобы ты улыбнулась». Зимой, в часы затишья, ходили на лыжах и даже участвовали в армейских лыжных соревнованиях под Петрозаводском в 1942 году, где Пелагея Вахнина и Анна Потапова заняли 2-е место.

Санитарный батальон - это ежедневный, упорный, тяжелый труд для девушек. Они доставляли раненых на носилках на перевязки (ох, какие они тяжелые!), разносили обеды, кормили, пилили и кололи дрова, стирали белье, мыли полы, делали операционный материал, тампоны и копали могилы для умерших.

Долго не могли привыкнуть к мертвым. «Осенью дождь, слякоть, холод, темень, спичку зажигать нельзя. А нам трупы носить надо. Поскользнусь - и вместе с трупом падаю в болото. Сколько слез пролила..., - вспоминает Марфида Липнина. - Прошу санитаря Самохина: "Пожалуйста, дам стопочку, только отнеси покойника" (наравне со всеми девушкам давали махорку и водку, но они не пили и не курили, уговорили потом заменить это на шоколад). А Надя Кунгина специально посылает: "Иди, Марфинька, пощупай пульс у раненого". А он уже неживой. Не стала бояться мертвых с тех пор, когда остались ночевать с Аней Вахниной в перевязочной рядом с операционным столом, на котором лежал умерший боец». Людмила Семенова быстро привыкла к этой работе и могла ночью одна нести труп.

О работе санитарок медсанбата писала военврач М Лахтикова в армейской газете «За Родину» от 8 марта 1943 г.:

«Простая, энергичная, веселая девушка пришла к раненым, Первое время ей было трудно привыкнуть к работе санитарки - не хватало навыков, знаний, Но не прошло и месяца, как Сима Ануфриева стала одной из лучших санитарок, отличницей боевой, политической и специальной подготовки. Пытливо присматриваясь к работе других, Сима приобрела опыт, навыки. Кончится дежурство - молодая комсомолка идет на репетицию кружка красноармейской самодеятельности, чтобы потом выступить перед ранеными бойцами и командирами в концерте».

Военврач А. Купцова, поздравляя девушек медсанбата с днем 8 Марта, писала в этой же газете:

«Все девушки нашей страны стали на защиту родной земли от немецко-фашистских оккупантов. Помогать бойцам на фронте пришли и девушки санитарки по национальности коми. С первого же дня девушки, находящиеся в нашем подразделении, обратили на себя внимание трудолюбием, старанием, с которыми они принялись помогать бойцам и командирам вернуться скорее в строй после ранения. Особенно выделяются Шура Рубцова и Зина Осипова - отличницы специальной и политической подготовки. Являясь комсомолками, они подают пример другим, как надо выполнять свой долг перед Родиной».

Санитарки Пелагея Вахнина, Александра Рубцова, Мария Тишина, Людмила Семенова написали о своих подругах:

«С чувством большой гордости и огромным желанием помочь доблестным защитникам родины разгромить ненавистного врага ехали мы на фронт. Каждая из нас дала друг другу слово не жалеть своих сил и выполнять приказание командира как можно лучше. Наше слово не расходится с делом. Мы держим высоко честь народа коми, дочерью которого являемся. Уля Игнатова, Люся Семенова, Вера Мелехова и другие санитарки отлично справляются со своими обязанностями. По этим девушкам-коми равняются остальные девушки-санитарки».

Санитарки Нина Молева, Катя Долматова, Соня Каракчеева, Вера Обросова, Шура Немчинова, санитары Федор Шакуров, Иван Захарченко, Еким Коркин, Андрей Хижняк много сделали для возвращения в строй бойцов и командиров нашей армии.

Дальнейший путь медсанбата: станция Кола (около Мурманска), где были на пополнении, Ахмалакти, город Петсамо, город Никель.

Во время передислокации дивизии 450-й медсанбат собрал медицинское оборудование, погрузил на машины и двинулся в путь. Рядом по дороге шли наши войска - пехота, артиллерия. В это время в воздухе появились вражеские самолеты и открыли стрельбу. Пришлось всё

выгрузить обратно и принимать раненых на ходу. Трое суток не было ни сна, ни отдыха.

При наступлении дивизии, после боев в медсанбате был настоящий фронт. Летом 1944 года в южной части Карелии, в районе Петрозаводска, было так много раненых, что не хватало палаток, приходилось занимать те, которые были выделены для жилья. Одни раненые сами брели по дороге, других несли на плащ-палатках, третьих везли на лошадях, машинах. Многие солдаты, измученные боями, засыпали тут же у порога перевязочной. Страшно было смотреть на тяжелораненных, обожженных огнем танкистов, охрипших командиров. Один просит: «Возьмите меня на перевязку, миленькая», а другой крепко выругается. И здесь, в брезентовых шатрах делали веб, чтобы снасти жизнь воинам.

Весь медперсонал с ног валился от усталости. Негде было спать, да и некогда. Иди Романовна Мирмович, командир хирургического отделения, бывало, скажет: «Девочки, идите где-нибудь сомкните глаза», а сама, усталая, не (плодила от операционного стола.

И опять мешали работе проклятые бомбежки. Пелагея Вахнина вспоминает: «Шла операция. Лампочка от аккумулятора освещала операционное поле, у которого работал Анатолий Григорьевич Зебрин. Как начали бомбить! Но мы уже давно к этому привыкли и не прекращали своей работы. После операции Анатолий Григорьевич поблагодарил за помощь и похвалил, что не струсила». Как важна была для девчонок такая похвала врача или первая улыбка раненого после операции.

Труд медиков медсанбата был поистине титаническим. Никогда к раненому не подходили с плохим настроением. Ласковое доброе обращение помогало им быстрее выздоравливать. Красноармеец А.Туманов писал в армейской газете от 8 марта 1943 года:

«У раненого бойца беспокойный сон. Подушка то и дело сбивается на сторону, и каждый раз немедленно водворяется на место заботливой рукой Маковкиной. От одной кровати она переходит к другой, то поправит повязку бойцу, то поможет ему удобнее положить раненую руку».

Окончилось дежурство Маковкиной. Ее сменяет медсестра Овсянникова или Андреева и находящихся в палате ни на минуту не оставляет чуткое, внимательно-любовное отношение, с которым ухаживают за ранеными воинами их боевые подруги. Они следят, чтобы все больные были вовремя накормлены, чтобы у них был чистый и опрятный внешний вид.

Материнскую заботу о нас проявляет военврач Р. Круглова. Не только квалифицированной врачебной помощью, но и ласковым словом, душевной беседой помогает она нам быстрее оправиться от болезней.

Как приятно видеть в палате такого заботливого и отзывчивого врача. Спасибо вам, боевые подруги. Благодарю вас и поздравляю с праздником 8 марта».

Бойцы Гашеев, Исупов, Ляпин, Белов поздравляют с праздником и выносят сердечную благодарность врачу Давидович и медсестре Овсянниковой за заботу о воинах Красной Армии.

В большинстве своём раненые, не долечившись, рвались на фронт, чтобы своим личным участием приблизить Победу.

До сих пор, спустя десятки лет, женщины помнят своих раненых. Людмила Семенова рассказывает: «Трудно было разведчикам. Лежали в болотах, снегу, выслеживая врага. Василий Ершов из дивизионной разведки. Очень выносливый, выдержанный, весь в шрамах (несколько раз был ранен), все рвался на передовую. Николай Чекушкин - разведчик, командир взвода, бывший учитель из Чувашии. Очень смелый. В одной из разведок погибли все, он, раненый, не покидал поле боя, тянул связь».

Вспоминает Аня Потапова: «К нашей дивизии была придана морская бригада. Поступил моряк Осадчий, раненный в живот, в состоянии шока. Ему перелили кровь, сделали операцию. Все вспоминал свою невесту и звал в гости посмотреть красавицу Одессу».

Раненых было очень много, потому что территория была заминирована. Мины вкладывались в чехлы, как кусок хозяйственного мыла. Даже миноискатели не могли их обнаружить, и люди подрывались прямо на глазах.

«Началось наступление, медсанбат должен был двигаться к переднему краю, но были нетранспортабельные раненые, и одну палатку оставили с ними. Остались хирург, сестры и санитарки. Операционный инструмент увезли, т.к. поступления раненых не ожидалось. Через двое суток от озера слышался стон. А там все было заминировано. Для взятия воды с озера была разминирована дорожка. Хирург приказал взять носилки и идти туда, где слышен стон. Дошли все благополучно, там оказался наш сапер, он был без сознания, подорвался на mine. У него на ноге началась газовая гангрена. Нужна срочная ампутация, и капитан Борис Мартыненко, не имея операционного инструмента, решил ампутировать поперечной пилой. Жизнь сапера была спасена, операция прошла успешно» (из рассказа Людмилы Семеновой).

Вот так, в необычных условиях, при свете коптилок и самодельных керосиновых ламп, под бомбежками спасали жизни и возвращали в строй советских бойцов и командиров медики-труженики.

Большую работу в выздоровлении раненых выполняли работники медсанбата. Начальник медснабжения Анатолий Васильевич Стихии занимался обеспечением медикаментами и перевязочным материалом. Помощник начальника медснабжения Зоя Петровна Ивченко готовила

лекарства, стерильные растворы по 100-120 л в сутки. Турчанинов -командир эвакуационного отделения, старший лейтенант медслужбы, обладал большими организаторскими способностями, инициативой, деловитостью и смекалкой, без электрика-механика В.А. Протопопова не обходилась ни одна операция. Александр Кириллович Репин -старший санинструктор, отличался исключительным трудолюбием, честностью, преданностью, неутомимостью. Он четко, своевременно выполнял свои обязанности и поручения главного хирурга. Благодаря организованности у него был отличный порядок по учёту поступающих раненых и больных, их сортировка. Он оказывал большую помощь врачам в научной разработке материалов , по тяжести ранений. Это огромный труд- перелистать все журналы, составить списки на многие тысячи людей.

В январе 1942 года в приказе начсанупра генерал –майора Клюсса и командования Карельским фронтом была дана высокая оценка работы 450-ого отдельного медико-санитарного батальона. Отличная оценка работы, медсанбата самоотверженность всего личного состава была отмечена на первой армейской конференции хирургов в 1942 году.

'За самоотверженную и отличную работу в боевых условиях 13 человек из личного состава МСБ получили правительственные награды, благодарности командования медсанбата, дивизии, армии и фронта.

На доме 51 по улице Свердлова по инициативе председателя совета ветеранов Карельского, Волховского, Ленинградского фронтов Ф.И. Живодрова, согласно распоряжению 337 исполкома от 4 декабря 1989 года была размещена изготовленная заводом Полиграфмаш мемориальная доска «Здесь в 1941 г. формировался 450-й медсанбат 367-й краснознаменной стрелковой дивизии». (55)

Вместо эпилога

Шадринцы чтят память погибших бойцов и командиров 367-й краснознаменной стрелковой дивизии. На зданиях города Шадринска можно увидеть мемориальные доски в память о формировании дивизии:

Так, мемориальная доска размещена на доме по улице Луначарского, 1, где размещался штаб 367-й стрелковой дивизии. Мемориальные доски также размещены: на доме по улице Михайловской - в память о 928-м артполке, на Городище - посвященная 1217-му стрелковому полку, в селе Канаши - посвященная 1221-му стрелковому полку, в селе Чистопрудное - посвященная 1219-му стрелковому полку. Доски были установлены в 1980 году, в честь 35-летия Победы.

На доме 51 по улице Свердлова согласно распоряжению 337 исполкома от 4 декабря 1989 года была размещена изготовленная заводом Полиграфмаш мемориальная доска «Здесь в 1941 г. формировался 450-й медсанбат 367-й краснознаменной стрелковой дивизии».

Доски были установлены по инициативе председателя Шадринской группы ветеранов Карельского, Волховского, Ленинградского фронтов Федора Ильича Живодрова.

В их изготовлении и установлении помогли: секретарь Шадринского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Людмила Ивановна Табуева, скульптор Александр Сергеевич Галяминских, Шадринский телефонный завод, Шадринский завод Полиграфмаш, Шадринский автоагрегатный завод.

22 июня 2002 года в Шадринске на Городище, в районе источника минеральной воды состоялось открытие Поклонного Креста (автор проекта - председатель городского клуба туристов В.Ю. Мурзин, исполнитель - мастер-резчик В.А. Спирин), На нём надпись: «Вечная память павшим воинам. Сей крест установлен в память шадринцев-воинов 367-й дивизии».

**ПОКЛОНИТЕСЬ, ЛЮДИ, СОЛДАТАМ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ,
СЛОЖИВШИМ ГОЛОВЫ ЗА ОТЕЧЕСТВО.**

Источники

1. Исторический очерк Н-ской Краснознаменной дивизии. 1966 г. - С.14.
2. Исторический формуляр стрелкового полка Архив Министерства обороны.
3. Государственный архив в г. Шадринске (далее ГАШ) . Ф.1032. Оп.1. Д. 21. Л. 2.
4. Первому секретарю Курганского обкома КПСС Ф.К. Князеву от П.Е. Лебакина, А.А. Таланкина, А.С. Пахомова. 1969 г. Л. 2
5. Музей истории школы № 4 (далее МШ) Ф. 2.Оп.6. Д.18. Л. 1
6. МШ. Ф. 2 Оп. 6. Д.1. Л.1
7. МШ Ф. 2 Оп. 6. Д.1 Л.2.
8. МШ Ф. 2 Оп. 6. Д.17 Л.1
9. М.Ш Ф. 2 Оп. 3. Д.4 Л.1,2
10. Плотникова А.В. Без вести пропавший полк. // Шадринск военной поры. Книга 1. Шадринск, 1995. С. 121-132.
11. МШ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
12. МШ. Ф. 2. Оп. 3.Д.2.Л. 1.
13. МШ.Ф.2. Оп. 6. Д. 15. Л. 1.
14. МШ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 4. Л. 2.
15. МШ. Ф. 2, Оп. 3, Д. 4. Л. 3.
16. Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968.
17. Шавкунов И. Это было давно. // Исеть. 1994,26 июля.
18. МШ. Ф.2. Оп. 6. Д. 1.Л. 3.
19. ГАШ. Ф. 1032, Оп. 1. Д. 21. Л. 2об.
20. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 1.
21. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1.Л. 4.
22. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 7. Л. 1.
23. Крапивин А. Память // Сатканский рабочий. 1975,22 апреля.
24. МШ. Ф.2. Оп. 6. Д. 1.Л. 5.
25. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1. Л. 6.
26. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1. Л. 7.
27. МШ. Ф. 2, Оп. 3, Д. 4. Л. 4.
28. ГАШ. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 21, Л. 3об.
29. Куприянов Г.Н. Во имя великой Победы. - Петрозаводск, «Карелия», 1985.-С. 142.
30. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 2.
31. МШ. Ф.2.0п.6. Д. 3.Л.3.
32. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 4.
33. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1. Л. 8.
34. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.

35. Таланкин А. Так погиб комиссар // Шадринский рабочий. 1982, 9 мая.
36. Таланкин А. Отважные пулемётчики // Шадринский рабочий. 1982, 18 августа.
37. Таланкин А. Водокачка // Исеть. 1995, 23 марта.
38. Таланкин А. Политруки // Шадринский рабочий, 1985. 24 марта.
39. МШ. Ф. 2, Оп. 6, Д. 18. Л. 3.
40. Исторический очерк Н-ской Краснознаменной дивизии. 1966 г. - С. 25, 27.
41. Таланкин А. Разведчик Шишкин // Шадринский рабочий. 1981. 25 марта.
42. Исторический очерк Н-ской Краснознаменной дивизии. 1966 г. -С. 30.
43. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1. Л. 9.
44. Исторический очерк Н-ской Краснознаменной дивизии. 1966 г. —С. 31-32.
45. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 18. Л. 4.
46. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 6.
47. Исторический очерк Н-ской Краснознаменной дивизии. 1966 г. -С. 41-42.
48. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 18. Л. 4.
49. Исторический очерк Н-ской краснознаменной дивизии. 1966. - С.45.
50. МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 18. Л. 5.
51. Фиш Г. Героический марш // Листок газеты «За Родину», 1944, 26 октября.
52. МШ. Ф.2. Оп. 6. Д. 1.Л. 10.
53. Шадринский краеведческий музей. Документальный фонд. Раздел «Великая Отечественная война».
54. Евдокимов И. Так воевали земляки // Шадринский рабочий, 1978, 18 августа.
55. Данная глава ранее была опубликована в качестве отдельной брошюры: Плотникова А. Из истории 450-го отдельного медико-санитарного батальона 367-1 стрелковой дивизии. - Шадринск, 2003. - 16 с. В её основу были положены следующие материалы:
Овсянникова Л. Я служу родине; Гашеев. Боевые подруги; Купцова А. Помогают победе; Вахнина П. Выполним свой долг; Туманов А. Труд патриоток; Иванов Б. Мария Зебрина // За Родину. 1943, 8 марта. Гильман З. Хирург Зебрин // В бой за Родину. 1943,25 декабря.
МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 9. Л. 1-12.
МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 10. Л. 1-23.
МШ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 7. Лл. 1-40.

Краеведческое издание

ПЛОТНИКОВА АНРИЕТТА ВСЕВОЛОДОВНА

Боевой путь 367-й краснознаменной стрелковой дивизии

Ответственный редактор СБ. Борисов

Издание Шадринского общества краеведов

Подписано в печать 18. 02. 2008. Формат 60х84 1/64. Бумага офсетная.
Гарнитура «Тайме». Усл. п. л. 4,15. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета.